

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ
НА ОЛИМПИАДУ!

ЖАТВА

В колхозе десятки отличных шоферов. Все здесь знают водителя Ивана Марченко. Он доставляет на элеватор сильную и ценную пшеницу.

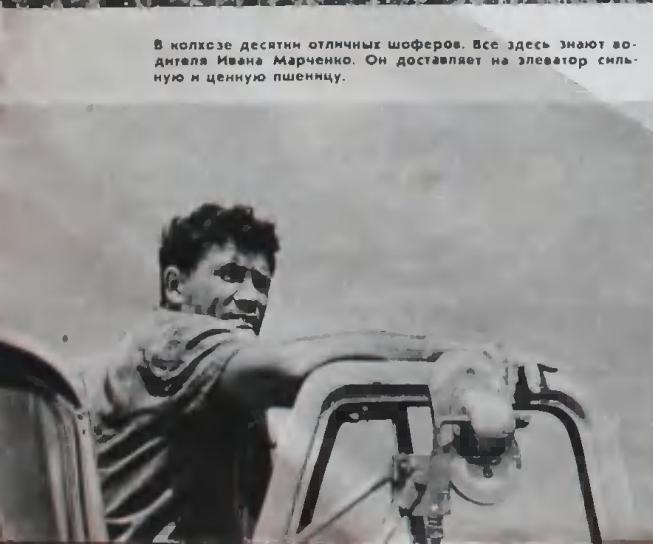
Жарко в степи.

Одним из первых в центральных районах Кубани начал жатву колхоз высокой культуры земледелия «Октябрь», Калмыкского района. Хорошо организует труд в поле агроном Петр Степовой.

Идет зерно-80!

Виктор ЛОГИНОВ,
фото Алексея ГОСТЕВА,
специальные
корреспонденты «Огонька»

Кубанское хлебное поле...
Два человека стоят по пояс в пшенице и разминают в ладонях почти спелые колосья. Один говорит: «Добро поле!» Другой прибавляет после молчания: «Красивое!» Слова произнесены разные, но смысл у них один, общий.

ПОД ЗНАМЕНЕМ ОКТЯБРЯ

11 июля в Риге состоялось совместное торжественное заседание Центрального Комитета Компартии Латвии и Верховного Со-

вета Латвийской ССР, посвященное знаменательной дате — 40-летию восстановления Советской власти в республике.

В президиуме — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, первый секретарь ЦК Компартии

Латвии А. Э. Восс, Председатель Президиума Верховного Совета Латвийской ССР П. Я. Стратманис, члены и кандидаты в члены бюро ЦК КП Латвии, руководители делегаций союзных республик, городов и областей РСФСР, знатные производственники, представители общественности.

Участники заседания с воодушевлением избирают почетный президент в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем Л. И. Брежневым.

На торжественном заседании, тепло встреченный собравшимися, выступил Б. Н. Пономарев.

Под продолжительные аплодисменты собравшиеся Б. Н. Пономарев зачитал приветствие Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР по случаю знаменательной даты.

Б. Н. Пономарев зачитал Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Латвийской ССР орденом Октябрьской Революции и под бурные аплодисменты участников заседания присвоил высокую награду Родине и землямам республики.

С докладом на торжественном заседании выступил А. Э. Восс.

На снимке: вручение высокой награды.

Фото ТАСС

— Что это — голос?.. Смех или песня?

— Пение говорит.

— Но голос — человеческий!

«Человеческий» — молча кивавший председатель колхоза «Октябрь» Иван Васильевич Вусик. И больше ни о чём не надо спрашивать. Разгадка вот она, на поверхности: лицо — голос поля — это лицо и голос его творца, человека-мастера. А истинный мастер творит все по образу swoему и подобию, сошёзящая полымя с успевшей душу красотой.

Пшеничное поле было произведением души и мастерства, а люди, взраставшие его, были истинными художниками. Так вот уж куда простирается мечта хлебопашца! Сделать не только быстро и качественно, но и красиво. Чтобы красота и духовность увеличивали пользу.

Над макушкой поля зависает в воздухе вертолёт. А сверху какое оно!.. И вспоминается полёт прошлым летом из Алма-Аты в Краснодар.

До этого дня в пору жатвы еще ни разу не приводилось бросить взгляд вниз с высоты целых десяти километров. Летал много, но оценить картину машали облака. А тут беспредельное голубое небо и земля под крылом на сотни верст как на ладони. Отчаянно возвышаясь в иллюминаторе и долго маячил, не сдвигаясь с места, дру-

гойский белоснежный Эльбрус. Но что это? Стало совсем жалко, живописно солнечно на горизонте. Но Кубань ли там, в нежной золотистой дымке? И сразу перевалило дыхание — Кубань родимая! Дух зевактило, и обожгла тема броская, так умело организованная человеком красота кубанского хлебного поля. Я разглядел значительную часть его, составленного из больших квадратов и прямоугольников желтого цвета, причем желтизна была самых разных оттенков — то ярких, то вроде бы выгоревших на солнце. И вот что самое удивительное: не было в этом рукотворном рисунке пестроты, разбросанности и поспешности, а было что-то цельное, подчиненное единому замыслу, как в истинно самобытном, исключительном искре таланта произведении. Сияло же, талантливые люди, сотворивший такое чудо!

Два человека стоят в пшенице, разминают в ладонях честноющие колоски и молчат. Никаких слов здесь не надо. Здесь говорят глаза, и человек человеку понимает душой.

А пение поет.

2

Степь привольная, мирная снова встречает тебя пышничным прибоем. Каждый год все повторяется: предвборочные ожидания и

тревоги, объезды полей, такие минуты очарования, когда стояши на краю лесной полосы и смотришь на живую, говорливую пшеницу... Все знакомое — и все новое, необычное. У каждой жатвы свой характер, свой почерк. Но лицо, лицо жатвы знакомо давним пор. А уж улыбчивое лицо или строгое, нахмуренное — это зависит во многом от погоды, которая не часто балует хлебопашца.

Громадный цех хлебороба лежит под открытым небом. Нет крыши над полами — одни облака плавут в вышине, и построю ложатся от них теми же на землю. Степь могучая, но и беззащитна. Её живет солнце, об тих суховейный ветер. Степь одаривает хлебопашца радостью. Но она же — в часы буйства природы — приносит ей и горе. Я видел слезы на глазах бригадира. Он стоял на краю измочлененного градом, испорченного пшеничного поля и плакал наизрь. Я стоял наподалеку. Мне бы гиту, оставить человека наедине с испепеляющей берёзой. Зачем плачущему мужчине свидетели? А я не мог уйти, не слушался ног...

Это было несколько лет назад, а плачущий казак все стоит перед глазами. И не забывается об изображение светлой стихией поля. И свершит отспаслив мысль: как-то будет нынче!

В СЕМЬЕ НАРОДОВ-БРАТЬЕВ

12 июля в столице Советской Литвы Вильнюсе состоялось совместное торжественное заседание Центрального Комитета Коммунистической партии Литвы и Верховного Совета республики, посвященное славной дате — 40-летию восстановления Советской власти в Литве.

В президиуме — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии П. М. Машеров, первый секретарь ЦК Компартии Литвы П. П. Гришкевичус, Председатель Президиума Верховного Совета Литовской ССР А. С. Баркаускас, Председатель Совета Министров республики И. А. Манюшис, члены и кандидаты члены бюро ЦК КП Литвы, руководители делегаций союзных республик, городов РСФСР, передовики производства, представители общественности.

С воодушевлением избирают участники заседания почетный президент в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем Л. И. Брежневым.

Тепло встречаенный собравшимися, на заседании выступил М. С. Горбачев.

Под продолжительные аплодисменты участников заседания он зачитал приветствие Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР по случаю 40-летия восстановления Советской власти в Литве.

М. С. Горбачев зачитал Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Литовской Республики и под бурные аплодисменты участников заседания прикрепил награду к знамени республики.

С докладом на торжественном заседании выступил П. П. Гришкевичус.

На снимке: во время вручения награды.

Фото: В. Гусевича, Т. Жабреускаса
[TASS]

Весна была холодная и дождливая — затяжная. Хлеба кое-где полегли. Но та беда еще не беда: кубанцы научились мастерски убирать полеглую пшеницу. Боялись другого лиха — «засухи». Внезапный зной в конце июня опалил ячмень. Потери ощущимы. Но пшеница перенесла «исключительный» удар спокойно — тут стыня промахнулась. И в первой декаде июля не только в станицах, но и в кубанских городах — везде, где волновались и ждали ответа на главный вопрос дня, ответ был получен: большой хлеб на Кубани будет!

Началась жатва-80.

3

Цифры? На Кубани никого не удивили высокими цифрами. Замышляя этот разговор, думал, что обойдусь без цифр. Но, видимо, несколько цифр напоминать все же надо. Кубань обвязалась в завершающем году пятилетки промзапаси 9,5—10 миллионов тонн зерна. Хлеба государству обещано продать не менее 4 миллионов 360 тысяч тонн, причем всякая значительную часть зерна составят спелая и цинная пшеница. Как и в прошлом году, кубанцы уберут хлеб за 7—9 календарных дней. В жатве вступили 520 уборочно-

транспортных комплексов. И еще одна, последняя цифра: 38 центнеров с каждого гектара — на такой рубеж нацелилась в нынешнем году Кубань. Это в среднем. Многие хозяйства обещают взять зерна чуть ли не в полтора-два раза больше.

Истинный, природный земледелие, преисполнен достоинства, но скромен. Спросишь: «Сколько даст это поле?» Отвечают: «Контрольный обмолот покажет».

Цифры обязательств высокие, выразительные. И не наугад, не с потолка они взяты — подкреплены и полностью обеспечены золотым запасом ежедневного самоутверженного труда сотен тысяч людей.

В этом году в июне на Кубани было проведено Всесоюзное предуборочное совещание. Репортаж о своих заслугах и новшествах, показавших гостям из всех республик страны свое хозяйство, Кубань не только учila других, но и училась сама.

4

Велика цена нынешней жатвы. Думается, не стоит говорить, в какой год, в какое время гудят она тысячами моторов. Поздни — волнившие дни 110-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина. Впереди, как мази, — XXVI съезд на-

шего партии. И с высоты жатвы каждый ее боец и труженик меряет свои достижения самой строгой меркой. С этой высоты настоящий хозяин земли глядит в будущее. Нынешний урожай, он наш, уберем сполна. Самое время теперь закладывать основы злоба 81-го года.

Вот что ответил один из кубанских бригадиров, когда понималась, почему он в разгар уборки чаще бывает не там, где жнут, а там, где пашут, то есть поднимают популар «там, где жнут, сработано», — сказал он — в самый раз о себе думать. Для него сейчас главное, чтобы не будущий задел был.

Вот так: главное, чтобы задел был. Пустить вслед за комбайном не освобожденное от соломы поле юшниками и птицы — это задел трудовой. Он подкрепляется здешним моральным — подавленное настроение живу угнетает, ульяки на лицах хлеб растят.

Кубань улыбается — пока споро, сдержанно: еще не вся пшеничка обмолочена. Но скоро, скоро в хлебной стопе от ульяков будет светлое светло в самый сорый день...

5

Каждая жатва рождает тысячи и тысячи героев. Это не для крат-

кого слова сказано. Здесь нет преувеличения. Не единицы, не десятки — тысячи и тысячи следуют занести в Книгу славы в почета.

Герои жатвы, смелые и бесстрашные — все достойны доброго слова. Упомянуть 5—10 фамилий — обидеть сотни и сотни других. Но лучше ли, никого не выделяя, поздальное, доброе слово сказать обо всех вместе? В свое время Родина отмечает лучших из лучших. Сейчас же, под пляшущим солнцем, в дымке пыли жатвы-80 все они равны. Все, от бывшего комбайнеря до пареного старшины-комбайнеров от мифа до стечения культиваторов, принадлежат к большому хлебу.

Доброе слово — в нашем деле одно из главных подспорий. Не надо жалеть вдохновляющих слов, когда речьдет о самоотверженном труде. Когда добро и добро умножается, расцветает сады на земле. На добром слове мир стоит. На добром слове да на хлебе.

«Есть хлеб — будет и посева. Посева будет!»

Жатва на Кубани подходит к концу. «Обеспечим хлеб» — говорит Кубань и передает эстафету жатвы соседу — Дону. Повсюду в деревне — целинному Камыстену. Мы сработаем. Сработаем за землю. Сработаем лучше — часть земли и земли

ПЯТИЛЕТКА В МОЕЙ ЖИЗНИ

Евгений АНТОНОВ,
слесарь-инструментальщик
завода топливной
аппаратуры
ярославского объединения
«Дизельаппаратура»

Пять лет в жизни человека —
срок, конечно, немалый. Особенно
но, когда тебе под сорок. Трудно,
правда, выделить пять лет из об-
щего течения жизни, где, с одной
стороны, все взаимосвязано, а с другой — имеет особенную, собы-
тейную хронологию. Накажиши
тесь и сомните: так ли уж ин-
тересна другим твой жизнь? Мас-
штабы ли обобщения на примере
одной судьбы! И все же, мне
кажется, жизнь каждого человека
по-своему примечательна. Ведь
это крупинка в той глыбе, кото-
рую мы называем страной, наро-
дом. И я и по-своему отража-
ю происходящие события и
процессы.

Онридная взглядом годы, про-
шедшие со времени ХХV съезда
КПСС, я удивляюсь: сколько же
всего произошло и в моей личной
жизни и на заводе, где я рабо-
таю! А как изменился родной го-
род! И стараюсь найти главные,
определяющие вехи. Чувствую,
трудно разграничить события на,
так сказать, житейские и произ-
водственные. Может быть, пото-
му, что все моя жизнь связана с
этим заводом, с городом, в кото-
ром я живу! На заводе познако-
мился с женой — она и сейчас рабо-
тает контролером в ОТК, в це-
ли рядом со мной мои давние
друзья. Все, что происходит в кол-
лективе, касается нас самым не-
погребенным образом. Это на-
ша жизнь. Выходит, рассказываю о
родном предприятии, в том са-
мом рассказывая о себе, о своих
друзьях. Рассказывая же о себе,
некоторым образом рассказываю о
заводе, о Ярославле.

Родился я в Ярославле в 1942 году. Вони, естественно, не помню, а вот трудную послевоенную жизнь — как поднимали из раз-
рух — помню прекрасно. Можно
сказать, послевоенный период во
многом сформировал нас, людей
того времени среднего поколения.
Мы имели возможность сравни-
вать, как мини раньше и как живут теперь. Поэтому передко спо-
рим с иными максималистами на-

строенными молодыми людьми.
Я, например, всегда говорю таким: «Ну, а ты сам? Не своим-то рабо-
чим места все делашь для того,
чтобы у нас было материальное
изобилие! Как считаешь, заслужил
его своим трудом? Не знаю, мож-
ет, я и не прав, но мне кажется,
уж если человек рассуждает о ме-
достатках, значит, он должен за-
давать себе вопросы: «А что делаю
я, чтобы их исправить?» Мы, люди
среднего поколения, сдадим и
участники грандиозного поступ-
ательного движения страны. Нам
ничего не преподносил на бло-
дичке. Трудности страны были на-
шими трудностями, и мы помогали
 преодолевать их своим трудом.
Так что, говоря о сегодняшнем
дне, я не могу не вспомнить, что
было раньше...

После школы поступил в желез-
нодорожное училище, выучился
на слесаря. Потом служил в ар-
мии. Там стал коммунистом. В 1966 году пришел на ярославский
 завод топливной аппаратуры и с тех пор работал все в том же
инструментальном цехе. Конечно, когда, после армии, под-
забыл, пришлось учиться по году
дело. Работу свою люблю. Инстру-
ментальный цех — производство
теорческое. Берешь у конструктора
чертежи и знаешь, что никто еще
эту деталь не делал. Ты первый.
Как ее изготовить, каким инстру-
ментом, как это сделать лучше и
эффективнее, решаешь сам. Иногда
вдруг придет совершенно не-
ожиданная мысль — посоветуешь
с работами, потом все идет к
инженерам, конструкторам. Вме-
сте думаем. Так что нет в нашей
работе однообразия. Более того,
судя по одному тому, как за по-
следние годы усложнились детали,
которые мы делаем, чувствуешь,
как совершенствуются
наши промышленность и техника,
какие теперь решаются умилити-
мозные задачи. И очень приятно ощу-
щать себя причастным к этому

движению вперед.

Мне думается, мы каждый мо-

жет стать слесарем-инструмен-

тальщиком. Без таланта тут — ни-
как. И без терпения тоже. Не-
сколько лет пройдет, прежде чем
обретешь необходимую квалифи-
кацию, войдешь во вкус дела,
освоишься с инструментом. Это
на сборке все у всех под рукой.
У нас далеко не так. Иногда, пре-
жде чем нужный инструмент под-
берешь, погуляешь по цеху, по-
спрашивавши: не зашатает на всех
редкого инструменте. И бывает,
что время идет, а работа стоит.
Заработок, значит, тоже стоит. По-
тому некоторые молодые пред-
почитают уйти на сбоку.

Теперешний наш технологиче-
ский потенциал с прежним, ко-
нечно, не сравни. Вспоминаю,
как сам начинал. Лет пять прошло,
прежде чем окончательно освоил-
ся. А нынешние новички этот путь
проходят за год-два. Хотя им при-
ходится начинать с заданий не в
пример сложнее тех, с которых
начинали мы. В чём тут дело? Не
может заглядеть, качественно измени-
лись за последние время и труд
и рабочий. Сложнее стали станки.
Однако выросли и изначальная
подготовка молодого рабочего.
И коллеги стоят теперь более
динамичными, творческими. Для
способного, энергичного человека
на производстве нынче созданы
прекрасные условия — твори, дер-
зай!

В сентябре нашему заводу испо-
лняется пятьдесят лет. Мы идем
к этой дате с хорошими резуль-
татами. В движении за коммуни-
стический труд участвуют при-
мерно двадцать процентов рабо-
чих. В том, что были созданы
условия для такого вот профес-
сионального и краивинского
подъема всего нашего коллекти-
ва, видится мне один из главных
итогов прошедшего пятилетия.

Чем же еще запомнились ми-
нувшие годы?

Моя семья переехала в новую
квартиру: получили от завода
трехкомнатную на четверть. Рань-
ше занимали однокомнатную со-
всем близко от завода. Теперь
живем подальше — в новом мик-

рорайоне Брагино. Едешь в авто-
бусе, смотришь по сторонам и ра-
дуюшься: как вырос за последние
годы город! Сколько появилось
новых жилых кварталов! Малчиш-
кой, помню, бегал вот на этих пу-
стырях, а сейчас тут красивые
многоэтажные дома стоят. Взять
хотя бы наше предприятие. Только
за годы этой, еще не закончившей-
ся пятилетки улучшились жилищ-
ные условия уже на полутора тысяч
рабочих. А сколько построено яс-
леб, детских садов, санаториев,
пенсионеров. Это все приметы ми-
нувших лет. Растет предприятие —
растет уровень жизни работаю-
щих на нем людей. А наш, напри-
мер, завод растет не только в
буквальном смысле — появились
новые корпуса, цехи, освоена но-
вая технология, — и качество
тоже растет. Судите сами. В
сентябре 1977 года заводу было
присвоено звание «Предприятие
высокой культуры производства». В
ноябре 1978-го он стал голов-
ным заводом объединения «Ди-
зельаппаратура». В мае про-
шлого года — головным пред-
приятием отрасли по проек-
тированию, модернизации, разре-
ботке методов технического об-
служивания и ремонта всех видов
топливных систем. Создан единый
конструкторский центр с лабора-
ториями и исследовательской ба-
зой. Уже в этом году предстоит
завершить проектные работы по
топливной аппаратуре для новых
двигателей автомобилей КАЗ и
УралАЗ, изготавливать опытные об-
разцы для двигателей Камского
автозавода, дать первую промыш-
ленную партию аппаратуре для
самосвалов БелАЗ. Задачи, что и
говорят, большие. И нам, ин-
струментальщикам, здесь отводят-
ся не последняя роль. Скорее пе-
реездом в новый цех.

В прошлом году многие на-
ши слесари, в том числе и я, сда-
ли на высший, шестой разряд.
Вспоминаю тогда добрым словом
своего наставника Георгия Ивано-
вича Нифедова: вроде уже и сам
знаешь, что к чему, а нет-нет да

После мюнхенского Пленума ЦК КПСС, на котором было принято постановление о со-
зыве очередного ХХVI съезда КПСС в феврале будущего года, огоньковская почта
приобрела интересную особенность. В редакцию приходит много писем, где люди де-
лятся своими думами, заботами, соотнося события, произошедшие в их личной жизни за
последние годы, с делами трудовых коллективов своих предприятий, родных городов.

Дорогие читатели! Мы приглашаем вас продолжить разговор, начатый сегодня сле-
сарем-инструментальщиком из Ярославля Евгением Антоновым. Расскажите, что про-
изошло за годы десятой пятилетки в вашей жизни, в жизни вашего трудового коллекти-
ва, предприятия, родного города. Самые интересные письма будут опубликованы на
страницах журнала. Это составит своеобразную летопись нашей жизни за истекшие со
времени последнего съезда КПСС годы.

и подойдешь к нему посоветовать. Высший разряд тоже, безусловно, важное событие в жизни. Повысился заработка. Сейчас выходит примерно двести пятьдесят в месяц. Вообще чувство такое, что на ногах стою крепко. И хочется соединить эту свою уверенность с родным заводом и с родным городом. Вроде прослеживается взаимосвязь. Вместе движемся вперед, нога в ногу шагаем...

Чем же еще прошедшие годы для меня примечательны?

Подросли дети. Дочки, Наташа, семнадцать. Оканичив кулинарное училище. Будет поступать в техникум. Сын, Максим, пойдет в шестой класс. Жена говорит, что сейчас время не о себе, а о детях думать. Как они будут жить? Дочь-то уж, можно сказать, определилась, в ссы вет недавно удалил. Сидел-сидел, зедумашки, и вдруг заявляет: «А я комбайнером буду! В колхоз поеду!» Он у меня упрямый. Может, в самом деле пойдет в комбайнерый? Что ж, в сельском хозяйстве люди сейчас как никогда нужны.

Короче говоря, в эти годы были жилье как жизнь. Радости были, печали были. И это здорово, что радостей было больше!

Во время отпуска да и просто в выходные вместе с друзьями: Арсением Белоусовым — он в соседнем цехе токарем работает, Александром Смирновым, мастером из инструментального, едем на моторка по Волге. Киноматров на сорок отъезжаем, плавати разбиваем, ловим рыбу. Отдыхаем, в общем.

Говорю на отдаче о разном. В том числе и о книгах. Я, например, Достоевского люблю. Однажды собрание сочинений его не имею. Мало дают на завод подпинных изданий. Трудно сейчас с книгами. А читать все любят. Вот и бегает хорошая книга по людям, как часовая стрелка. Но ведь, бывает, книгу и перечитать захотится...

О работе говорим, о жизни. Радуемся, например, что строят при заводе свинокомплекс. А кое-что поругиваем. Столовую заводскую, скажем. Внедрили там комбайнерский метод. «Эффект называется. Только эффект получился не тот, никого ждали. Люди в очереди стоят, а перед ними пустая комбайнерная лента ползет. Оказывается, труд при этом там организовали, что не успевали на ленту тарелки с едой ставить. К счастью, «Эффекта упразднили»...

О родном городе говорим. Радуемся, что наконец-то взялись за реставрацию старинных памятников архитектуры. Раньше в тех зданиях склады были. Теперь музеи. Это очень хорошо.

В общем, о разном говорим... Обстановка международная, все знают, сейчас сложная. У политики разряды, которую проводят наши государства, недругов хватает. И мы прекрасно понимаем — страна должна быть сильной и в политике и в экономике. А это во многом зависит от нас, рабочих.

Не помню, где я эту фразу слышал: «Учиться у жизни...» Мне она понравилась. И я бы рискнул вкратце соединить ее с прошедшими годами. Учиться у жизни — значит правильно отвечать на вопросы, которые она ставит. Понимать ее закономерности. Чувствовать новое, что носится в воздухе. И, конечно, делать эту жизнь лучше!

Юрий КОРИЛЛОВ

ОПАСНЫМ КУРСОМ

Вьетнамское информационное агентство ВИА сообщает только вчера Пекин организовал и осуществил около 200 вооруженных акций на вьетнамо-китайской границе. А в то время, как китайская военщина совершала разбойничьи акты на мирные вьетнамские села, а самолеты китайских ВВС могли вторгаться в воздушное пространство СРВ, в Таиланде, близ границ другого суверенного виетнамского государства — Камбоджи, шлаlixородочная подготовка к переброске на камбоджийскую территорию контрреволюционных ползотовских банд. И эта агрессивная операция готовилась при поддержке Пекина, с его благословения...

Непрекращающиеся промахи против Вьетнама и Камбоджи вновь и вновь подтверждают открытое гегемонистскую суть и опасную агрессивную направленность пекинской внешней политики. Выступая в качестве ударной силы мировой реакции, прямо противостоящей революционным движениям современности, Пекин не только продолжает, но и активизирует очисточные атаки на дело разрядки, нагнетает напряженность, стремится создавать очаги конфликтов, сеять вражду и ненависть между народами.

Известно, какой широкий позитивный резонанс получили среди международной общественности миролюбивые, конструктивные инициативы стран социалистического содружества, выдвинутые на совещании ПКК в Варшаве, новые идеи и предложения, внесенные Советским Союзом в ходе недавних советско-западно-германских переговоров в верхах. Эти инициативы и предложения, призванные отстоять мир, упрочить безопасность народов, приветствуются и одобряются в столицах большинства стран мира, но только не в Пекине. Китайские правители, следуя своему поднадзорительному курсу, сегодня, как и вчера, с порога отвергают любые меры, ставящие целью оздоровление политического климата, обуздание гонки вооружений, укрепление доверия и добрососедства между народами и государствами. Они открыто подстегивают правящие круги Запада к склончиванию некоего «единого фронта» против СССР, провоцируют военное столкновение двух мировых общественных систем.

В последний период времени политику Пекина, который открыто перешел на сторону империализма, отчетливо просматривается линия на сближение с Западом, прежде всего с США и Японией, на враждебной линии социализма и мира оси. Именно достижение этой цели преследовали состоявшиеся в мае —inine визиты премьера КНР Хуа Гоффина в Японию и заместителя премьера Ген Био в США, недавние встречи Хуа Гоффина и президента США Дж. Картера в Токио, контакты между представителями китайской армии и милитаристских кругов Японии и ФРГ. Ныне пекинская верхушка небосредственно участвует в осуществлении империалистических агрессивных планов борьбы против социализма, национальной независимости, демократии и всеобщего мира. Разве не об этом свидетельствует агрессия Пекина против социалистического Вьетнама, его нравственные действия против Кубы, МНР, Лаоса? Разве же об этом говорит тот факт, что Пекин, действуя заодно с США, активно участвует в «необъявленной войне», развязанной империализмом и реакцией против революционного демократического Афганистана?

Взяв курс на блокирование с империализмом, пекинская верхушка рассчитывает и на то, что ей удастся расширить военное «сотрудничество» с западными державами, получить широкий доступ и военным арсеналам США в НАТО и т.д. путем подвиги военно-экономическую базу под собственные великородственные планы, ускорить выполнение провозглашенной в Китае программы «четырех модернизаций», стерженем которой — превращение Китая в концентрацию в военную супердержаву, способную диктовать свою волю другим народам.

Причины, в силу которых Пекин идет на сближение с империализмом ясны, но чем же руководствуются США, делая встречные шаги? Вашингтон, блефуя «китайской картой», стремится подключить пекинских гегемонистов к глобальным стратегическим планам США, направленным на возрождение империалистической политики «большой дубинки», на словах сложившегося на международной арене военно-стратегического равновесия. Имея в виду глубоко антисоветскую направленность китайской внешней политики, он рассматривает сближение с Китаем как шаг в координации агрессивных планов, нацеленных против социалистического содружества. При всех этих расчетах упускается, однако, из виду одно: Пекин, выступающий в роли младшего партнера империализма, действует в своеобразных политических интересах, рассчитывая с помощью Запада проложить путь к реализации собственных гегемонистских амбиций. «Когда мы смотрим, что время наступило, мы склонимся для Смузи: «Будь добр, утромывай свою внешность», — заявил в свое время тот самый Ген Био, который недавно, будучи в США, распинался в «дружеских чувствах» к Вашингтону. Надо ли доказывать, сколь недальновидны расчеты тех кругов Запада, которые все еще надеются разыграть «китайскую карту» в собственных интересах и за счет интересов других?

Сближение Пекина с Западом, его совместные и скоординированные с империалистическими державами действия ведут к нагнетанию напряженности, действенности положения в различных регионах мира, прежде всего в Азии. «Партнерство империализма и китайского гегемонизма представляет собой новое опасное явление мировой политики, опасное для всего человечества, в том числе — для американского и китайского народа», — подчеркивается в Постановлении ньюйоркского ЦК КПСС.

Что касается Советского Союза, то его позиции ясны и неизменны: наша страна твердо отстаивает дело мира, международной безопасности, добрососедские отношения со всеми странами, в том числе и с КНР. Вместе с тем СССР вновь и вновь подчеркивает, что любые попытки оказать на него нападки, угрозы ему со стороны всякого рода антисоветских «соседей», «врагов» и «вспомогательных» — дело абсолютно бессмысличное и бесполезное. У нашей страны есть все необходимое, чтобы дать отпор любым агрессивным военно-западоевропейским империалистическим и реакционным силам, на которую бы карта — китайскую или вакую либо иную — они ни разыгрывали.

А. СОКОЛОВ

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ЭКРАН

ЭТОТ

«СВОБОДНЫЙ МИР»

Фильм «Этот свободный мир», созданный на Центральной студии документального фильма режиссером Леонидом Махнечем и оператором Василием Ниселевым по сценарию Леонида Замятина и Леонида Махнече, — это фильм, который рассказывает именно о том, что происходит за фасадом капитализма.

Фильм о том, как в сотен миллионов людей в странах капитала крали и продолжали красть истинную свободу — свободу гражданскую и политическую, свободу самому выбирать себе место в жизни. И том, как отобранные властью изящих занятия, нравственное счастье и физическое здоровье человека, его работа или отсутствие тановки, условия жизни.

Совершенностю производственная и строительная технология, появляются новые материалы, и поднимаются ввысь, растут, как грибы, современные здания, одно соприкасаясь другого, и покрывают они на солнце разноцветными стеклянными, пластиковыми и стальными гранями. Но точно так же, как и много лет назад, гонит ветер обрывки газетной бумаги по мостовым Гарлема, мимо выщербленных кирпичных стен и полуподвальных окон без стекол, за которые тоже никто не заботится. Живут? Жалко, насташа над словом. В глазах сидящего на тротуаре негра нет никакого выражения. Бесмысленный стеклянный взгляд. Даже для отчаяния, последнего из человеческих чувств, уже не осталось сил. А ведь он родился в обществе «равных возможностей», «равных среди равных». В стране, где народ считает реноме человека, кто обувь может стать «миллионером». Ну что же ты! Встань, встрайхись, иди чистить обувь и заработай, полагающиеся тебе миллионы. Но, может быть, ты ленив и оттого все твои беды? И миллионы подобных тебе безработных — они, тоже ленивы.

— Я хочу работать, я в состоянии работать, я люблю работу, — говорит перед никонокамерой молодая женщина, — но я оказалась не настолько счастливой, чтобы ее получить.

Она, эта женщина, еще надеется на то, что когда-нибудь сможет найти работу. Может быть, надеются и те безработные, что сидят около Белого дома, дома, в котором обосновался президент, обещавший им «воздушить» безработицу.

Но те, чьё волю не удалось сломить самой тяжелой нуждой, проходя по улицам в колоннах демонстрантов, требующих, нет, не маны небесной, а всего-навсего достойных условий для жизнедеятельности, правительство которого не устает повторять, что прошлое оно считает «права человека вообще и своих граждан в частности». Именно о них, неслыханных, стихий негритянского поэта-безработного Антara Мэйна. Он читает их нам из экрана:

«Полноподвесные реки
человеческого достоинства;
Реки, шаги которых
я упинаю»

Человеческое достоинство... Простые слова. Но за ними — например, изящества борьбы, несгибаемой силы людей, которые не дастся ни запугать, ни испугать. Их можно убить, или убили Мартина Лютера Кинга, их можно в бивульном смысле заковать в цепи, или это сделали с Бенджамином Чейном, но победить их нельзя. На их стороне миллионы людей во многих странах мира. Это сила, с которой удастся не устоять.

— Примечательно, что в Сагордии вообще никого, говорят Бен Чейнс, которого власти США «использовали для обострения». — заключается в том, что вы все были упорны в этой

На снимках — кадры из фильма:

Смерть у дверей аптеки.
Полицейский тир.
Маленькие обитатели Гарлема.
Новые «коричневые» в Западной Германии.
Одни из американских тюрем.
Отчаяние.

Слова не действуют —
есть ПЕНТАГОННЫЙ югут,
Чтоб загонять «союзников»
в хомут.

Дм. Демин

борьбе. Несмотря на то, что судья осудил нас в общей сложности на 282 года...

А что же свобода? Где она? Для кого? Для расплодившихся политических, избывающих демонстрантов в Америке, Англии, Чили. Разная униформа, разные знаки различия в политических партиях, но одинаковые дубинки и излучники. Все тот же слезоточивый газ, изготовленный по единому рецепту. И все те же удары, удары, удары... Дубинки, кулаки, кованым Остином. Кажется, что половина всего мира выступила в один, не большой по размерам, митинг. Миллионы ударов слились в один, и один многоголосый крик боли и гнева звучит над планетой, заглушил сист и завывания десятков тысяч политических скрип.

... Но если ты из тех жителей Запада, которых не интересуют судьбы своих обездорвленных сограждан, — спи спокойно. Ведь ты

не участвовал сегодня в демонстрации? Вот и хорошо! Не думай об этом, и твои услуги «шоу бизнеса» и огромное количество различений, нам раз пред назначены для того, чтобы развеять громкие мысли, развеять мысли воющие. А хочешь — можешь стать на некоторое время политическим деятелем. Как? Очень просто. Практика в Гайдпарке говорит. Что говорят? Да все, что хочешь. Можешь и трибуну с собой притащить, если не день, и громкоговорители и наслаждаться своим ораторским искусством общества, танцы же никаких никаких...

Нет, это не кинохроника 30-х годов, это надры наших дней — марширующие под свастикой молодчики. Они не только собираются на своих митингах и новые пыльные пути, они учатся убивать. Вот такие, как эти, из организаций «Всемирного спорта». На них мундиры и национальные формы вермахта и СС, в руках —

боевое оружие. Организация существуета открыто, на глазах у всех, в Западной Германии. Ее «воспитанники» уже не раз бывали «в деле». Именно из них вербуют наемников. И посыпают карательные, подавляющие Африку, в Мрамор, в Афганистан. Их убивают, когда надо устранить, отомстить... И диктуют свою волю и свои условия. И, конечно, платят...

Чудовищным издевательством над памятью людей, отдавших жизни за то, чтобы не было войн, выглядят устремленные в небо ракеты и антены мощных радиолокационных станций, готовых к старту сверхсовременных боевых самолетов и постоянно несущие свою космическую вагу спутниками. Это тоже «свобода». Свобода распространять жизнь... теперь уже миллиардов людей, угоду своеокраинским интересам, моя главный интерес — деньги.

Тревожные это инновации...

Рисунок КУКРЫНИКСОВ

Слишком тревожные для того, чтобы стать привычными. Над теми, что готовят новый наростовый поход — в первую очередь против сепаратизма, — разъезжается обещавшее знамя с начертанным на нем словами «Свободная военная управа». Нет, это не свободы. Свобода фальшиво разогревать историю, перегибаться фанты.

Фильм советских индюкунгов-талантов превозывает и бледноты, умеет отыскивать виновных пропажи, и щедрые посыпы от внутренней сущности мира капитала, мира, где подзатыльники власти от неизвестных прятят на головы бояльщиков «свободы», а в зале, где создают идеи и отвергают идеи, где, по выражению Ленина, «демократия — формальный параскетаризм, а не дело — беспартийное чистое издевательство, бездуший, неумный и глупый гнет буржуазии над трудовым народом».

МОСКОВА ОЛИМПИЙСКАЯ

В. Г. СМИРНОВ,
первый заместитель
председателя
Оргкомитета
«Олимпиада-80»

19 июля в Москве на Центральном стадионе имени В. И. Ленина торжественно открываются XXII Олимпийские игры. Наш корреспондент В. БИКТОРОВ попросил первого заместителя председателя Оргкомитета «Олимпиада-80» Виталия Георгиевича СМИРНОВА ответить в связи с этим на несколько вопросов.

— Итак, Виталий Георгиевич, позади пять лет напряженных усилий многие тысячи советских людей. Олимпиада — борьба за эти усилия — на 97% душа — в национальном единении Факт. В связи с этим хочется напомнить вам слова, которыми вы заключили опубликованную в нашем журнале статью «Олимпиады вчера, сегодня, завтра» в одном из юношеских номеров 1976 года, перед открытием XXI Олимпийских игр в Монреале. Вот эти слова:

«В своем выступлении на Хельсинкском совещании Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежnev говорил, что суть дела в материализации разрядки, в этом суть всего, что должно сделать мир в Европе действительно прочным и незыблым. В осуществлении этой благородной задачи видят свою цель все, кто занят подготовкой Московской Олимпиады.

— Не считаете ли вы, Виталий Георгиевич, что этими словами вы могли бы начать и сегодняшнее интервью?

— Да, действительно, наша цель остается той же — сделать мир

для советских людей прочным и незыблым. Эта задача теперь, после всех маневров и выпадов врагов разрядки, врагов Олимпийских игр, еще более актуальна. И тот факт, что Игры XXII Олимпиады, несмотря на все попытки сорвать их, состоятся в Москве, состоятся впервые в столице социалистического государства, говорит о том, что дело мира сорвать невозможно.

— Таким образом, Виталий Георгиевич, можно считать, что первая победа на XXII Олимпиаде будет одержана еще до ее открытия. Ведь победами сторонников олимпийского движения, а не его противников.

— Это так, хотя противники Олимпийских игр неожиданно показали, что добиться своей цели. Все олимпийское общественность — Международный олимпийский комитет, подавляющее число национальных олимпийских комитетов, известные спортсмены самых разных стран сделали резкий отпор попыткам сделать спорт орудием политики, использовать его для своих неблаговидных целей.

Олимпийское движение приобрело за послевоенные годы могущую силу, ведь в него включились социалистические страны, многие страны Африки, Азии и Латинской Америки. Вот характерный факт: только за четыре года, отделяющие нас от Монреальской Олимпиады, в орбиту олимпийского движения вошли еще четырнадцать стран, в том числе такие, как Лаос, Вьетнам, Ангола, Мозамбик, Мавритания и т. д.

Трудно сейчас представить олимпийское движение без стран Африки и Азии. Олимпиады теперь доступны всем спортсменам независимо от цвета на коже, воронцовства или социального положения. А ведь на Олимпиаде 1904 года, которая проводилась в американском городе Сент-Луис, негры, индийцы, филиппинцы должны были состязаться в три так называемых «антропологических» дни.

Да, в безвозвратное прошлое отошли эти времена. Я думаю, что не за горами то время, когда очередные Олимпиады будут проходить в столицах африканских стран. Мощи и демократизм современного олимпийского движения не учили же, кто пытается сорвать Олимпийские игры в Москве. Причем надо отметить, что эти попытки начались задолго до того, как американская администрация в качестве предлога стала использовать так называемый «афганский вопрос». Еще в 1974

году в ряде буржуазных газет и в других различных органах массовой информации появился утверждение, что Московская Олимпиада обречена на провал, что нам не справиться со строительством олимпийских сооружений. Затем появились новые призывы бойкотировать ее — потому, мол, что мы не допустим на Игры спортсменов некоторых стран и тем самым нарушим данные гарантии. Эти попытки сорвать Московскую Олимпиаду продолжались и дальше.

— Как, по-вашему, будет развиваться история Олимпийских игр?

— Я убежден, что олимпийское движение, которое и в нынешних сложных международных условиях сохранило свой благородный дух, основанный на добром воле и дружбе между народами, будет крепнуть и развиваться. Нет никакого сомнения, что попытки использовать спорт как политическую карту будут отвергнуты народами. Я убежден в этом, потому что и сегодня Международный олимпийский комитет, международные спортивные федерации, национальные олимпийские комитеты твердо поддержали не противников олимпийского движения, а его сторонников.

Что говорить, против Московской Олимпиады были брошены мощные силы, которые использовали все — и угрозы, и шантаж, и подкуп. Особая ставка делалась на решение НОК ФРГ. Предполагалось, что большинство стран Западной Европы последуют примеру ФРГ. Однако мы знаем, что еще только три европейские страны — Норвегия, Лихтенштейн и Монако не прислали своих заявок на участие в Играх.

— Как восприняли советские спортсмены отказ от участия в Олимпийских играх спортсменов США, ФРГ, Японии, Канады?

— С глубоким сожалением. Они понимают, какая трагедия для спортсменов этих стран был прет приехать в Москву. Ведь они готовились к этой поездке долгие четыре года, потратили немало сил и возлагали большие надежды на свои выступления. И вот по воле своих правительства все они остались за бортом. Это отразится самым печальным образом на целом поколении выдающихся спортсменов, но никак не скажется на успехах Московской Олимпиады. К нам приехали сильнейшие спортсмены мира, и Олимпиада, конечно же, пройдет на самом высоком спортивном уровне.

— В чем коренное отличие подготовки XXII Олимпиады от подготовки хотя бы Игр монреальских?

— Главное в разнице систем двух стран. Канада — страна капиталистическая, СССР — социалистическая. Известно, что подготовка к Олимпийским играм в Монреале проходила в сложной обстановке из-за забастовок и нестабильности некоторых строительных фирм. До последнего дня готовность сооружений к началу Игр вызывала опасения. Московская Олимпиада готовилась планомерно, последовательно, и ее строители ощущали повседневное внимание Советского правительства, поддержку ведомства и министерства. Четко и вовремя выполнены все обязательства, построены и реконструированы 97 олимпийских объектов, в том числе 26 спортивных сооружений, среди которых немало уникальных, впервые осуществленных в отечественной и мировой практике. Последовательно и неукоснительно соблюдались все правила Олимпийской хартии и гарантии, данные Президиумом Верховного Совета СССР в связи с приглашением Олимпийских игр в Москву.

И вот теперь, в канун открытия Олимпиады, окидывая взглядом то, что сделали наши строители, все те, кто готовил Олимпиаду, для того, чтобы Игры прошли на самом высоком уровне, можно сказать, что они поработали на славу. Да и как это могло быть иначе в нашей стране!

То, что построено, останется на века, и наша столица и другие города, в которых пройдут соревнования — Таллин, Киев, Минск, Ленинград, обогатились рядом уникальных спортивных сооружений, в которых будут заниматься физической культурой советские люди.

— С какими пожеланиями вы хотели бы обратиться к нашим любителям спорта, и хозяевам Олимпиады?

— Дорогие друзья, нам предстоит увидеть выдающиеся соревнования по 21 виду спорта, так давайте же радоваться успехам и победам всех тех, кому удастся вписать свое имя в летопись славных олимпийских побед.

— Что вы хотели бы пожелать всем участникам Олимпиады-80?

— Прежде всего того, чем я закончил свой предыдущий ответ: самых больших успехов, выдающихихся побед.

И пусть Москва, советская земля станут им близкими навсегда.

СЕКРЕТЫ ОЛИМПИЙСКИХ ПОБЕД

Виктор САНЕЕВ,
заслуженный мастер спорта

Вот и пришла на нашу землю Олимпиада! Олимпиада, к которой мы готовились с того дня, когда Москва была избрана семнадцатой по счету олимпийской столицей, с 23 октября 1974 года. Но думают, что не ошибусь, сказав, что мы ждали московскую Олимпиаду задолго до этого дня. Ее ждали те, кто в далеком 1952 году дебютировал на XV Играх в Хельсинки, уверяя в олимпийском мире слову советского спорта. Ее ждали спортсмены, одержавшие победы на стадионах Мельбурна, Рима, Токио, Мехико, Мюнхена и Монреяля. Олимпиаду в Москве ждали не только атлеты, но и вся много-миллионная армия советских физкультурников, поклонники, любители и энтузиасты спорта.

Теперь мы встречаем Олимпиаду в Москве! Весь народ Страны Советов ждет Олимпиаду, готовился к ней и многое сделал, чтобы XXII Игры прошли успешно. Да иначе и не могло быть!

В моей достаточно долгой спортивной жизни были сотни соревнований. Но над всеми, как горные вершины, высится три Олимпиады, в которых мне посчастливилось принять участие...

Однинадцать лет назад в журнале «Огонек» был напечатан очерк о лучшем спортсмене 1968 года. Это был я Неужели с тех пор прошло столько лет! Как быстро летят времена! Позже, становясь старше, я перестал собирать газетные и журнальные вырезки, где рассказывалось о моих выступлениях, но этот журнал храню до сих пор: в нем рассказ о моей первой Олимпийской победе в Мехико.

Это была трудная для наших легионеров — и для всей нашей олимпийской дружинны — Олимпиада. Из легкоатлетической команды только Владимиру Голубиному и Янису Лусису и мне удалось стать олимпийскими чемпионами. Да и нам эта победа досталась в такой борьбе, что и сейчас, 12 лет спустя, трудно припомнить напряжение такого накала!

Судите сами. Лусис, сильнейший копьеметатель шестидесятых годов и безусловный фаворит Олимпиады, сумел добиться успеха только в последней попытке. Мне для победы пришлось улучшить личное достижение в тройном прыжке и дважды устанавливать мировые рекорды, причем последний — 17 метров 39 сантиметров — тоже последней, решавшей попытке. Но, пожалуй,

Фото А. Бочинина

самое трудное испытание выпало на долю Володи Голубиничного. На финише изнурительного 20-километрового перехода в условиях жаркого высокогорного Мехико ему пришлось уходить от буквально бежавшего за ним мексиканца Педраса. Педраса нарушил правила ходьбы, но какой судья решился бы его дисквалифицировать на глазах у заполненного темпераментным болельщиками стадиона! И какую волю к победе должен был проявить тогда Голубинич!

Для нас, дебютантов той Олимпиады, победа Голубиничного имела особый высокий смысл. Он был не просто товарищем по сборной, но и представителем той поистине легендарной команды, которая в 1960 году в Риме одержала блестательную победу, завоевав 11 золотых олимпийских медалей. И, выступая в Мехико, ведя борьбу из последних сил, Голубинич не только звал нас, молодых, за собой, но и продолжал славные традиции своих предшественников-олимпийцев. Другому представителю той же команды, прославленному бегуну Петру Болотникову, недавно отпраздновавшему 50-летие, теперь была доверена высокая честь стать первым советским факелоносцем олимпийского огня. Да, не речется незримая связь поколений.

Нам свойственно особое чувство коллектизма, чувство команды (хотя составления легионеров носят сугубо личный характер), и можете мне поверить, что моя радость и гордость, как радость и гордость моих товарищем, тех, кому посчастливилось завоевать в Мехико олимпийские награды, были все же непротивными: ведь команда наша выступила тогда неудачно. И похожее чувство я испытал и после монреальской Олимпиады, хотя мне в третий раз удалось завоевать на ней титул олимпийского чемпиона. На этот раз легионерам СССР пришлось уступить по числу медалей спортсменам США и нашим друзьям из ГДР, которые в последние годы стали грозной силой в мировом легкоатлетическом спорте. И, может быть, для того, чтобы поддержать моих молодых товарищем, я отложил на четыре года свой уход из спорта и сразу начал подготовку к московской Олимпиаде, где — я в это твердо верю — наша команда будет под силу повторить успех двадцатилетней давности.

Говоря о нашем возможном успехе, я вовсе не имею в виду фактор «родных стен», который играет не столь большую роль в яростном накале олимпийских сражений, где бы они ни проводились — в Европе, Азии, Австра-

лии или Америке. Но жду и ослабления этого накала и за счет того, что некоторые сильнейшие атлеты не смогут приехать в Москву из-за абсурдной позиции своих правительств. Лучшим свидетельством этого является бурный водопад мировых рекордов, установленных в первые же месяцы олимпийского сезона. Большинство их обладателей выступят в Москве.

Я жду успеха потому, что сейчас, как и два года назад в Праге на чемпионате Европы по легкой атлетике, где нам удалось добиться большого успеха, мы имеем команду, в которой опыт ветеранов счастливо сочетается с дерзкой молодостью, команду, которая буквально горит жаждой победы.

За годы моей долгой спортивной жизни не раз приходилось слышать вопрос: «Что вам помогает побеждать?» В таких случаях я вспоминал Сандеева «образца 1968 года». С тех пор я стал старше, опытнее. Наверное, изменились за это время некоторые суждения, вкусы, привычки, но меня по-прежнему роднят с тем Сандеевым жажды победы. Ее не притупили ни тысячи тренировок, ни сотни соревнований, ни успехи, ни травмы, ни поражения.

До сих пор помню свое первое выступление на Всесоюзной спартакиаде школьников в Волгограде в 1963 году. Я, совсем еще юношеский в спорте, занял тогда третье место в тройном прыжке. Сейчас я понимаю, какой это был успех, а тогда... Тогда я плакал, стоя на третьем ступеньке пьедестала почета. Плакал оттого, что очень хотел быть первым.

Выходя на сектор для прыжков, я всегда готов был отдать все силы в борьбе за победу. Конечно, и мне случалось терпеть жестокие, а порой и обидные поражения, лишаться и титулов рекордсмена мира и чемпиона Европы, но я знал: я сделал все, что мог, и хоть сегодня другое было склонно, завтра сильнее будь я.

Сейчас, когда пишу эти строки, еще неизвестно, смогут ли я эзть свой четвертый олимпийский старт. Дают о себе знать и годы и старые травмы. Подросли молодые, сильные соперники, жаждущие олимпийской славы. Их много, мои наследники. Среди них чемпион Спартакиады Геннадий Валюкевич, молодые Яак Уудмээз, Александр Лисиченок, Геннадий Ковтунов, Евгений Анкенин, Александр Бескровный. И каждый может претендовать на место в сборной, где нас, прыгунов, может быть только трое. Но знаю твердо: если сумею пробиться в команду, то вовсе не для того, чтобы просто выступить на своей четвертой Олимпиаде.

Отрадно, что новое поколение советской сборной легкоатлети-

ческой команды (а многие из ее участников в год моего олимпийского дебюта в Мехико еще только делали свои первые шаги в спорте) не только жаждет победы, но и уверенно в своих силах. И нашим дебютантам есть с кого брать пример.

Я уже вспоминал о Янке Лусинце, о его победе в Мехико. Лусинце не мог поймать верное движение в броске колья. Только за несколько секунд до последней решающей попытки ему это удалось, и он спокойно выполнил бросок дважды — вначале прорешировал все движения вплоть до замаха, не выпустив колья из руки, а затем снова разбежался и уже в привычном для себя стиле послал колье в победный полет на 90 метров 10 сантиметров. Поистине драчометный пример воли, опыта, владения собой, а главное, уверенности в своих силах, в своем мастерстве.

Таким же ярким примером уверенности в себе явилась выступление Людмилы Брагиной на Олимпиаде в Мюнхене в 1972 году. Она прибыла в Мюнхен рекордсменкой мира в беге на 1500 метров и прекрасно помнила, что все соперницы будут строить свой бег по ее графику (ох, налегкая это задача — быть фаворитом на Олимпиаде), но уверенность в своих силах дала возможность брагиной совершить то, что не удалось до нее ни одному олимпийцу в мире: три раза выходить на старт и каждый забег заканчивать установлением мирового рекорда.

Немалую роль в борьбе за победу играло умение атлета трезво оценить возможности — и свои и соперников — и рационально распределить свои силы. Как это делается, показал двухкратный олимпийский чемпион в спринтерском беге Валерий Борзов.

В течение целого десятилетия мне пришлось выступать рядом с этим блестящим мастером бега. И я всегда восхищалась его способностью точно определить тот уровень усилий, который потребуется для достижения победы.

Я знаю, что многие считали Борзова этаким рационалистом, старающимся добиться успеха с минимальной затратой сил. Я думаю, что так могут говорить только те, кто плохо знаком со спецификой спринтерского бега.

У спринтеров на Олимпиаде самая нелегкая доля. Если прыгуны и метатели проводят, по сути дела, два соревнования — квалификационные и основные, то у бегунов на короткие дистанции, как правило, четыре забега на 100 метров, столько же на 200-метровой дистанции, да еще три забега в эстафете 4×100 метров. Итого 11 стартов! И если при этом учесть, что плотность результатов в спринте всегда бывает чрезвычайно высокой, то можно представить себе, сколько сил и мастерства требуется от спортсмена, чтобы успешно выступить в таком «многогривом» испытании.

На мюнхенской Олимпиаде именно такая нагрузка выпала на долю Борзова. Но большой мастер сумел так распределить силы, что, ни разу не проблема дистанции в полную силу, он тем не менее 10 раз был на финише первым! Лишь в последнем, финальном забеге

в эстафете 4×100 метров Валерий планировал, как он сам говорил, бег на сто процентов мощности, но десять предыдущих стартов (Борзов победил в беге на 100 и 200 метров) помешали ему выполнить эту задачу, и он привнес эстафету вторым.

В сборной команде СССР были спортсмены, выступавшие в четырех и даже пяти Олимпиадах. Валерий Борзов участвовал в двух и сумел собрать самую большую коллекцию олимпийских наград — 2 золотые, 1 серебряную и 2 бронзовые медали.

Я уже говорил, что в Москве выступят команда, в которой будет много талантливой молодежи. Но, несмотря на молодость, эти атлеты уже имеют немалый опыт участия в самых разных состязаниях. Теперь важно использовать этот опыт в стрессовой обстановке олимпийских стартов. Такое умение — тоже один из секретов борьбы за победу. Вспомните, как виртуозно меняла тактику олимпийская чемпионка Татьяна Казанкина на Играх в Монреале, где она завоевала две золотые медали на дистанциях 800 и 1500 метров. В 1976 году Татьяна была дебютанткой Олимпийских игр, а в кануне московской Олимпиады Татьяна Казанкина установила новый мировой рекорд в беге на 1500 метров.

За долгие 12 лет мне удалось трижды выигрывать Олимпиады. Но как нахожки были эти победы. В Мехико успел принести мировой рекорд последней попытке. В Мюнхене победным стал уже первый прыжок на 17 метров 35 сантиметров (этот прыжок был своеобразной «домашней заготовкой», рассчитанной на то, чтобы сразу ошеломить соперников). В Монреале этот вариант не прошел... Там я тоже рассчитывал повергнуть конкурентов врасплох первым делом прыжком, но прыжок оказался с заступом — неудача. Пришлось срочно менять тактику и быть готовым ответить на любой прыжок любого соперника. И когда американцы Баттс в четвертой попытке прыгнули на 17 метров 18 сантиметров, я сумел сразу парировать этот вылет прыжком на 17 метров 29 сантиметров. Он и стал победным.

Рассказывая о секретах наших олимпийских побед, я приводил примеры из жизни нашей легкотяжелой команды. Но разве меньше таких примеров у других представителей олимпийского спорта! В его историю навечно заслонами буквами вписано мужество четырехкратного олимпийского чемпиона биатлониста Александра Тихонова, мастерство и воля трехкратных олимпийских победителей — грека Вячеслава Иванова, борца Александра Медведя, фигуристки Ирины Родиной, спортивные подвиги величайшего бегуна Владимира Куца, боксера Бориса Лагутина, гимнастов Виктора Чукарина, Ларисы Латыниной, Людмилы Турищевой, пловчих Галины Прозуменченко-вой, фехтовальщика Виктора Ждановича, победы наших баскетбольных, волейбольных, гандбольных и ватерпольной команд!.. Да разве первенцы имели тех, кто принес славу советскому спорту на сени Олимпиады!?

Наша олимпийская гвардия будет рядом с теми, кто выйдет на старт в Москве.

Ия МЕСХИ

ЕЩЕ РАЗ О ПРОЧНОСТИ

Н

некоторое время тому назад Руставский металлургический завод покидал первое здание поколения металлургов — те, кто в 1944 военном году, вместо того, чтобы быть мобилизованными в армию, былишибаняованы из тогда еще строящейся завода. Сначала они обучались металлургии на предприятиях России и Украины. Потом здесь, в Рустави, дали первую плавку стали, пустили доменный, прокатный, трубопрокатный и другие цеха. Их успели отгружать, как стал подкрадываться и мне пенсионный возраст.

По происхождению все они были главным образом из крестьян. Став промышленными рабочими, в душе остались сельские люди. И когда начал подкрадываться этот самый неуловимый возраст (а у металлургов он довольно ранний), их все потянуло в свои села. Не всех, конечно, но большинство. Коллектив теряя сразу что-то около полутора тысяч человек, да еще таких мужиков.

Об этом тогда было много разговоров на заводе. Об этом мы и рассказали на страницах журнала «Огонек» № 25 за 1975 год, очерк «Прочность».

Постановление ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и ВЦСПС «О дальнейшем укреплении трудовой дисциплины и сокращении текучести кадров в народном хозяйстве» побудило нас вновь вернуться к публикации пятилетней давности.

Добиться эффекта прочности (а значит, надежности, постоянства!) — кому-кому, а металлургам известно: это процесс сложный, длительный. Во всяком случае, всталоевении. Тем более в человеческом обществе.

Попав снова к руставским металлургам, я отправилась в отдел кадров. Это то самое узкое горло, через которое идут утешения из сосуда. Что же делается тут после мощного выплеска первого поколения кадровых рабочих?

Как всегда, по четвергам заседает общественный отдел кадров в составе представителей от цехов, заводских организаций, юристов.

Входит парень с заявлением об уходе. Начальник цеха докладывает:

— Хороший токарь, хороший товарищ. Работает четыре года. Живет в общежитии. Жаль с ним расставаться.

Слово токарю:

— Женился. Жена из деревни, недалеко отсюда. Отец жены не пускает ее в Рустави. Выходит, мне надо туда...

— Какой у тебя зароботок?

— Двести — двести пятьдесят в месяц.

— А сам-то ты хотел бы оставаться на заводе?

— Конечно...

— У нас есть в этом селе филиал одного нашего производств. Давайте переведем его туда. Согласен? А там есть, может быть, и смягчится: вернешься в Рустави...

Парень, довольноюкий, поднимается со стула, выходит. Карадовин, тоже довольный, стоит рядом с фамильной токаря знак плюс; сокращен для завода!

Следующий — машинист разливочного крана в мартене. Молодой, красивый. Лицо зашмакотое.

— Почему подал заявление об уходе?

— Устал...

— Значит, будешь отыхать?

— Зачем? Переезжал в Тбилиси, там буду работать...

— Где?

Молчание. Следут несколько реплик, которые нетрудно тут припомнить. Парень, тоже лицом...

— А чтоб я хорошо заработал, хочу «Волгоградку» купить. Здесь мне помогли, хотя и обещали...

— А если все же поможем, коли это для тебя так важно?

— Поздно! — отвечает он там, будто перед ним стоят на кояхах...

Да оставь его, пусть уходит, — перебывает кто-то беско, и вопрос исчезает.

Карадовин ставит минус у фамилии красавца машиниста...

Рабочий кислородного цеха, с пускового объекта. Бледный юноша в модной курточке.

Часто отпрашивается с работы, склоняясь на болезни матери. Противоречие — ложь. Зарекомендовал себя халтурным работником. Поэтому начальник цеха на его заявление об уходе начертал: «Не возвращаю». Но последние две недели вдруг стал работать хорошо.

— И так бывает: написал, передумал. Мечтается. Разве не следует побороться за него? И люди, собравшиеся здесь ради него (очень занятые люди!), находят нужные слова и доводы. Юноша собирает свое заявление об уходе и, как нам кажется, покидает кадровую комиссию удовлетворенным.

Да, теперь здесь все так же, как на многих других заводах: кочуют в основном молодежь, не сидится ей на месте. С другой стороны, именно у молодых возникуют всякие семейные обстоятельства, угрожающие личной жизни. Нельзя с этим не считаться.

Вот и заседает каждый четверг представительная комиссия. Сагодня она сохранила для коллектива (в может быть, и для хороший рабочий судьбы!) двоих из четырех. В следующий четверг, возможно, пятерых из пяtnадцати. За месяц — десять — двенадцать, за год с полтысячи сотни. Полезная, ощущимая деятельность.

Слово доменщику:

— Женился. Жена из деревни, недалеко отсюда хочется. Хорошо, что руставцы наши пустыри на дворках своей территории и по-

ставили там животноводческий комплекс. Правда, пока только сконоферму на пятьдесят тонн мяса в год. Удобно, что расширяют тепличное хозяйство с огурцами и помидорами и построили большое овощехранилище емкостью в тысячу тонн. Удобно, что внутри завода имеются Дом быта, разные магазины, куда можно забежать во время перерыва. Всего этого не было пять лет тому назад.

А уютно? Возможно ли такой громоздкий завод, машину из железных конструкций, труб, многослойный здания сделать уютным? Есть тут и такая попытка!

Задоринцы в заводских воротах и видишь нечто такое, отчего хочется улыбаться: небольшой строение, где во вратах в пол горячих кушинах выпекается национальный плоский хлеб. И тут же распродается. Но не это, конечно, вызывает улыбку: уж очевидно облицован фасад пекарни, весь в художественной мозаике на тему о том, как добывается хлеб. Точнее — как добывалась он в Грузии в незапамятные времена: плугари, селянки, мукомолы, пекари. Милые, наивные предки, земледельцы, которые и придумали этот прекрасный, вкуснейший, чешуйчатый, хлебец. Берешь его, чуть ли не обжигаешь пальцы, и — домой, в семью. А забавнее мозаика на фасаде делает свое добре дело — растворяет усталость.

Кто же это выдумал? Кому пришло в голову на главной внутренней магистрали соорудить маленький свинской башни, возле которой можно отведать мороженого? Кто вдругую вторую жизнь в старушку градирни у мартеновского цеха, и вместо того, чтобы снести ее, устроил в ней прекрасную хинкальную (пельменную) для столоваров?

Человека этого зовут Отар Давитулани. Он руководитель художественной мастерской на заводе. Искусство его самодельное, так как закончить специальное художественное образование помогла война. Но здесь, на заводе, пять лет тому назад он окружил себя молодыми художниками, выпускниками Тбилисской академии художеств. И вместе они принялись как бы дорисовывать облик завода, постарались сделать его, если так можно сказать о заводе, более уютным. И вот так появилась большое мозаичное полотно в трубопрокатном цехе, цеховых столовых, декорированные в народном стиле...

В столовой доменного цеха зевавос из деревянных геометрических фигур, стены расписаны скотами сельского быта, с потолка свисают красивые светильники. Словно не в рабочей столовой, а в бара сидишь.

Тут, за тарелкой борща, мы разговаривали с Отаром Давитулани.

— Профессия доменщика, — сказали он, — по-моему, самая тяжелая из всех металлургических. В первые доменники забегают сюда подкрепляться, отдохнуть. Мне хотелось, чтоб они здесь забыли о своем плене, грохоте и черноте. Когда мы закончили делать эту столовую, я привезли людей из цеха, чтоб они высказались. Одна женщина сказала: «А почему в оформлении не видно, что это сто-

ловая доменщики? Нет настенных панелей, групп! Я взяла ее под руку, подвела к окну: «А вот они, групп! Зачем их рисовать?» Тут все зашумели, начали спорить. И я поняла, что поступаю правильно: создаю уют, отдых, паузу для тех, кто занят в горячих и других цехах. И в этом смысле свое место — место художника на заводе...

Я подумала: разве пять лет назад, когда не приводили художников, не оформляли столовые, доски показательные и так далее? Пригадала, конечно. Но то было люди со стороны, причем в основном злые, искающие легких зароботков. А тут свою инициативную группу, которая знает на фасаде национальный знакомым, думает, предлагает, делает, создает что-то стоящее. Принесли все это в свою, исполненную многочисленных отходов производство. Результат такого, что тут же, на заводе, можно минуту не думать, чем в городе, поесть, купить, починить обувь, сшить платье...

Право как из горячей печи, заводской вычислительный центр видел «Анализ причин увольнения по Руставскому металлургическому заводу за 1979 год». Широкая перфорированная бумага явилась легче на директорский стол. Директор завода Отар Николаевич Суладзе обводит кружочками цифры, вызывающие у него восприятие.

— Мне приходилось общаться со своими коллегами-кадровиками с других металлургических заводов, — вступает в разговор Гурам Иванович. — Там же проблема беспокоит многих. То, что создаются предпосылки для увеличения зарплаты квалифицированного рабочего, — это очень правильно. Но нам кажется, что мы о мастере немного забыли. По опыту труда его следовало бы приравнять к рабочему.

— А как, спрашиваю, реагируют на это сами рабочие?

— В том-то и дело — чуть не подскакивает к креслу гуруновший директор. — Именно он — первые подошли ко мне с этим разговором. Спасибо, моя, за заботу о нас, но как-то собственно становится перед мастерами... Вот вам мнение рабочего человека, оно всегда самое справедливое. А беспокоит нас все это еще и потому, — звонко говорит Отар Николаевич, — что жизнь привыкала нас предвидеть причины тягчести кадров. Только, казалось бы, наладки одно — не видят другое, грозят ухудшением жизни на заводе.

И он показал мне текст своего выступления на пленуме ЦК КП Грузии, показал документы, подготовленные для встречи со своим министром.

Речь пошла о мастерех.

Что представлял из себя мастер когда-то, давно! Это был рабочий высокой квалификации, который обеспечивал, организовывал, де-

лал заработковое, не обижене, естественно, и себя за отеческие заботы. Мастер сегодня — мастер. Иначе не может быть. Но он так же, как и раньше, обостряет фронт работы, организует труд, отвечает за выполнение и перевыполнение заданий. Все время рядом, вместе с бригадой. На нем и функции воспитателя. Только при определении заработка членов бригады (специалистов, премиальных, прогрессивных и т. д.) он, как ИТР, остается в стороне.

Отар Николаевич говорит:

— В последнем квартале прошлого года премиальные рабочим нашей отрасли повысили еще на 20 процентов. И разница между оплатой труда высококвалифицированного рабочего и мастера, который им руководит, увеличилась еще больше. Теперь мастер иной раз зарабатывает в два раза меньше, чем рабочий. Сегодня был у меня мастер из доменного цеха. «Я», — говорит, — шестнадцать лет учился, чтобы получить право стать мастером. Мой сын в прошлом году не попал в институт и пришел в наш же цех рабочим. Он приносит в дом больший заработок, чем я». Как хотите, в в понимании недоумение этого человека...

— Мне приходилось общаться со своими коллегами-кадровиками с других металлургических заводов, — вступает в разговор Гурам Иванович. — Там же проблема беспокоит многих. То, что создаются предпосылки для увеличения зарплаты квалифицированного рабочего, — это очень правильно. Но нам кажется, что мы о мастере немного забыли. По опыту труда его следовало бы приравнять к рабочему.

— А как, спрашиваю, реагируют на это сами рабочие?

— В том-то и дело — чуть не подскакивает к креслу гуруновший директор. — Именно он — первые подошли ко мне с этим разговором. Спасибо, моя, за заботу о нас, но как-то собственно становится перед мастерами... Вот вам мнение рабочего человека, оно всегда самое справедливое. А беспокоит нас все это еще и потому, — звонко говорит Отар Николаевич, — что жизнь привыкала нас предвидеть причины тягчести кадров. Только, казалось бы, наладки одно — не видят другое, грозят ухудшением жизни на заводе.

Постоянство, привязанность к месту, к людям, к обстановке — это, конечно, черта характера. Не всем быть одинаковыми. Не у всех звучит в душе эта внутренняя готовность к верности, готовность пережить вместе и хорошие, и может быть, независимые времена. Иной час и находит переключение туда, где лучше. А этому ведь не бывает конца. И там промышляется жизнь.

Я спросила Отара Николаевича, не разбегаются ли с завода мастера. Нет, оказывается, не разбегаются. Они понимают, что это положение временно, исправится оно. Надо его исправить.

МАСТЕРИ

Страна вступила в новую полосу жизни; люди всех профессий обдумывают свою работу, свое призвание, свое дело, соизмеряя их с приближающимся важнейшим событием — XXVI съездом партии коммунистов.

Как работают сегодня мастера искусства? Какие проблемы обдумывают, как обрабатывают новые вершины?

Талантливая семья — композитор Газиза ЖУБАНОВА, лауреат Государственной премии, народная артистка Казахской ССР и Азербайджан МАМБЕТОВ, народный артист ССР, театральный и кинорежиссер. Из творчества известно не только в Казахстане.

Интервью у них берет корреспондент «Огонька» Ю. ЛУШИН.

— Национальное искусство, живопись, музыка развивается в Казахстане, как и во всех республиках, свободно и плодотворно, бережно сохраняя традиции. В столичном и областных театрах идут пьесы, постановки, оперы и балеты национальных авторов.

Одной из наших статей, Газиза Жубанова, приводит «Едва ли не каждый народ, который когда бы видел свою страну с заповедником, музыкально хранившим различные остатки древних культур. Наблюдаемые ныне процветание традиций Востока — это не процветание в теплицах. Истинная традиция живет в развитии».

Поговорите свою мысль.

Г. Жубанова. Фольклор — немногим источник вдохновения. Наши казахские поэмы, сочиненные

народными композиторами и от музыканта к музыканту передаваемые десятилетиями, — шедевры. В них раскрывается щедрая душа народа, его страдания и радости, позы родных степей и гор. Кадректор консерватории, как педагог, я не устаю повторять своим студентам: учитесь слушать и слышать музыку своего народа, используйте традиции в своем творчестве. Но вот как использовать?.. Многие считают, что для музыкальных произведений надо брать фольклор в первозданном виде. Мне же кажется, что этот путь ограничен — на этом пути не будет настоящего прогресса. Время накладывает свою печать на все творения человека. Оно требует перевосмысления сделанного, поиска новых форм, но, разумеется, очень бережного, любовного, сокращающего первозданность мелодии, — ее прелестей, ее идентичности.

Я не считаю отступлением от традиций народа, когда включают в свои музыкальные сочинения народные мелодии в своем прародимом, в своем «слышании», что ли. Это, собственно, и есть одна из граней композиторского творчества, которая выражает миросознание современного человека.

А. Мамбетов. Несколько лет назад в Казахском академическом театре драмы яставил пьесу Мухтара Ауэзова «Кобланды», которая не шла на сцене лет двадцать. И столкнулся при этом с немыслимыми трудностями. Вроде бы нет сомнений в том, что движение жизни не может не влиять на театр, на содержание и форму сценического образа, на организацию действий спектакля. Но вот некоторые театральные деятели и рецензенты даже изменили привычные мизансцены в спектакле, даже новые эпизоды kostюмов обзывают чуть ли не понаружением на национальные традиции! Разумеется, у нас в мыслях этого не было! Я убежден, что театр по самой природе своей является инструментом будничества, социального и политического выражения человека. Точно выверенным временем, он должен служить человеку, струны душевные трогая.

— Как вы отноитесь к мнению, что народные традиции — это языковые, что есть пьесы глубоко национальные, любимые своим народом, но, дескать, непонятные для других народов?

А. Мамбетов. Не думаю. Не думаю.. Мне кажется, что спектакли «Козы-Корпеш» и «Баян-Служебник» Мухтара Ауэзова во времена наших московских гастролей были понятым каждому зрителю, а это пьесы истинно казахские. Мне кажется, искусству подлинно национальному ничто не мешает становиться искусством интернациональным. Все зависит от меры таланта. Пьесы Чехова, например, волнуют не только русских людей. И «Дядя Ваня» я как раз собираюсь ставить в Казахском академическом театре драмы. В 1973 году мы были на международном фестивале театров стран Азии, Африки и Латинской Америки, привезли «Материнское поле» Чингиза Айтматова. Пьесу киргизского писателя играли на казахском языке. Но судьба простой женщины Толгоной оказалась близка и понятна всем, потому что ее преображенiem талантом писателя материинская стала большой земли, ее судьба — судьбой матери-Родины. Национальное стало общечеловеческим. Поэтому пьеса была понята без перевода, после спектакля многие подошли к народной артистке СССР Сабире Майкайновой, исполнившей роль Толгонай, и благодарили ее со слезами на глазах. Кстати, музыку к спектаклю, как и в большинстве моих постановок в театре и кино, написала Газиза Жубанова.

Г. Жубанова. Музыка со своей природе понятна всем, ее языки не требуют перевода. И все же повторюсь: пытается она истоками национальными. Я называю. Пишу казахскую музыку, но глубоко убеждена, что слова любого языка помогают рождению национальной мелодии. Стого говоря, ведь в слове тоже живет слово музыка, слово тоже музикально. Но вот я решила написать оперу на русском языке о подвиге двадцати восьми героев-пани-филовцев и засудилась не слишком ли смелой задачей! Целый год я собирали и изучали материны о пани-филовцах. Прекрасные стихи Тыковова, Светлова, Суркова, мечты казахских поэтов Аманжолова, Жармагамбетова рождали в душе живые образы.. Я вспомнила, что великий Абай перевел «Онегина» на казахский язык и люди в степи пели эти стихи на вдохе же мелодии, называя их песнями Тасыны и Евгения, которые казахам стали родные. Многие и не знали, что поют Пушкина! В действе я слышала эти песни в доме отца, известного композитора Ахмета Жубанова, где меня

окружала атмосфера народного искусства, его традиции, но еще и русские книги, русская речь. С детства я говорю на двух языках, окончила с золотой медалью русскую школу, затем училась в Москве, в консерватории, у замечательного педагога, выдающегося музыканта, профессора Юрия Александровича Шапорина. О нем, добром человеке и большом художнике, я всегда вспоминаю с благодарностью. Но вернулся к опере. Против моего ожидания, она как-то сразу «поплыла» у меня — не скажу легко, но естественно, без натуги, принося творческие муки и радости. Там есть монолог Василия Ключкова — на русском языке. Есть ария ария казаха Есбулатова, киргиза Шопокова.. Естественно, что я сочиняла музыку, стремясь выразить не только характер героя, но и их национальные черты. Главное, чтобы произведение убеждало, отвечало правде жизни, большой идее, сплачивало людей.

— Кстати, вас не задает мнение, что опера, моя, это жанр устаревший, что она не для наше-го времени?

Г. Жубанова. Может быть, и задает. Но не настолько, чтобы я боялась за судьбу оперы. Убеждена, что этот жанр и сейчас живет и развивается полнокровно и будет жить всегда.

Другой вопрос, какова станет опера в будущем. Но это уже не от нас, композиторов, впрямую зависит. Опера не песня, а сложнейшее произведение, музыкальный роман, если можно так выразиться. Для того, чтобы «прочитать», понять такой роман, нужны некоторые подготовка читателей, то есть слушателей.

Нужно их готовить: учить восприятию и пониманию серьезной музыки — оперы и симфонии. И готовить нужно в детском саду, в школе, где музыкальные занятия, к сожалению, проходят подчас формально. Очень обидно видеть, как люди сами себя обрывают, неподумав отрезая добрый кусок мира, лишая себя общения с гениями — Бахом, Бетховеном, Чайковским, Моцартом, Шостаковичем...

А. Мамбетов. Да, это не просто — общаться с гениями.. Знаю по себе. Несмотря на то, что наш романтическо-композиторский семейный дут с Гезимом существует много лет — мы вырастали и воспитали взрослых уже теперь детей, — я, например, только подошел к настоящему пониманию симфонии. Это действительно целый мир, полный страсти, это яростная и прекрасная жизнь. Как ее услышать? Мы ведь начинаем знакомство с музыкой отнюдь не с Бетховеном, это естественно. Первая музыка — колыбельные песни детства. Потом идут полу-

РАБОТА

ларные, в значит, и самые доступные. Их могут слушать, например, малодетные, легко запоминающиеся вальсы Штрауса... Все это — как бы ступени лестницы, ведущей к вершине — симфониям. А если в лестнице пропасти, до вершины не добраться. И когда мне кто-то говорит, что в наше время наиболее современны эстрадные мелодии (а эстраду я тоже люблю), потому что они, мол, более всего отвечают ритмам делового и неспокойного века, в опера — анекронизм, то я знаю, что мой собеседник просто не шагнул еще на следующую музыкальную ступень... Конечно, эстрадная музыка проще, чем серьезная, и тяга подростков к эстраде понятна: иношно не уследи — просто в силу возраста, в силу небогатого опыта постижения искусств — подняться до того уровня, который позволяет глубоко воспринимать идеи, образы, мысли великих музыкантов...

Г. Жубанова. Поянится, не сколько лет назад вдруг вспыхнула дискуссия о романе. Многие утверждали, что роман отмывает, что самый темп нашей жизни будто бы противстует против романа. И что же? Прошло время. Романы пишут и, если они талантливые, охотно читаются, времени не это хватает. Так и с оперой...

— Театр, а затем кино — с момента их рождения — вояжная волна — взаимоотношения со зрителем. Как сидятся у вас эти отношения?

А. Мамбетова. Мне кажется, что зрителям и зрителю. В расчете на него я и работаю. Существует и другой зрителей, и сожалению. Потребитель. Ему подают что-нибудь про Фентонея, про мушкетеров, где мысль заменяется цитатой типа: «Пора, пора, порадуемся на своем веку...» К еще большему сожалению, есть и режиссеры, работающие на такого кинематографического зрителя. Поэтому в театре и кино много мелкотея, мало настоящих чувств и мыслей. Есть и такие произведения драматургии, где героями превращены в болтливые скамьи, в личности вообще без чувств. И сковы обидно за актеров, вынужденных это играть. Обидно и за умного зрителя, которому скучна драматургия.

— Вы собираетесь ставить «Альфу Ванес», только что вынужденный исторический фильм «Гонцы спешат». Но ушли ли вы из современности?

А. Мамбетова. Давайте рассуждать. Венчая тема искусства — противоборство добра и зла. К сожалению, зло многое. Но оно не всецельно, как не всецельно и добро: оно тоже не всегда побеждает в жизни человека. Но это искажение. И пока в жизни будет существовать этот конфликт, до тех пор его отражение в искусст-

ве будет современным. Поэтому понятно, что Чехов, и Островский остаются глубоко современными...

«Гонцы спешат» — фильм о событиях восемнадцатого века, о борьбе казахского народа за свою свободу. Но взгляните на глобус — мир Бурлак! Народы Африки, Южной Америки, Индокитая, Афганистана проявляют свой путь к свободе, и кое-кому это очень не нравится: кое-кто не прочь с помощью пушек повернуть историю вспять, хотя хорошо известно, что всегда кончались такие попытки. Поэтому исторические параллели бывают весьма современны...

Г. Жубанова. Однажды на молодежном дистансе меня спросили: «Зачем нашему современному нужен балет «Спартак»?» Я ответила, что «Спартак» — это не только прекрасная музыка, но и урок мужества, добра и справедливости.

А. Мамбетова. К сожалению, хороших пьес и сценариев о современности практически мало. Я имею в виду произведения, пронизанные глубокими мыслями, идеями, насыщенные крупными проблемами. А как хочется окунуться в жизнь, поехать в Экибастуз или Томск и там, что называется, смыться с листа... А может быть, «большое видится в мелочах» и современному драматургу трудно увидеть в современной жизни главное, не отвлекаясь на мелочи. Иногда театры понимают современность своеобразно — вместо демократии сооружают на сцене котельную или цех чай или не в натуральную величину. Грачат этим даже первоклассные театры. Во МХАТе «Сталевары» идут на фоне почти настоящего литеиного цеха. Смело заметить, что ни разницу спектакля, ни его образности это не помогает. Развитие характеров, движение мысли — только в этом может найти опору сцена...

— Вы — люди деревенской известности в расположении и за ее пределами, удачественные наряды, почетные звания и титулы. Как вы сами считаете — честности и славы?

Г. Жубанова. Нормально, особенно звонот звонят слышать не достаются. Упорно работать они меня не отучили. Я слишком хорошо знаю, что талант без труда мало что значит. Дела часто удивляются: «Пела, пела, почему же работает по субботам и воскресеньям?» Но творчество — процесс, не имеющий выходных дней.

А. Мамбетова. Мне кажется, что слова обязывают человека быть добрыми. Может, это оттого, что мы — дети воинов лет. В прошлую сурошую школу жизни. Отец погиб в сорок первом, мать умерла годом позже. И осталась мы одна с сестрой Аей — сейчас она замужем за артистом Козаковым

ССР, работает в ТЮЗе. Вспоминаю фильм «Подорожник» Николая Губенко и словно вижу себя.

В ГИТИСе, в Москве, меня учили не только режиссуре, но и добру. Николай Михайлович Горчаков, замечательный человек, профессор, ученик Станиславского, и талантливый режиссер-педагог, народный артист ССР Андрей Александрович Гончаров. Много лет прошло с тех пор, но сущность добра, запомнившаяся добрыми людьми, не умрет.

Ты чего-то дусти, значит — помоги другим своим искусством, да и всем, чем можешь. Многие из моих учеников уже работают самостоятельно режиссерами в областных театрах, и мне же приятно слышать об их успехах! Быть добрым — это привлечение зуда, примера, здесь для меня великий пример — Чехов.

— Но для вас судьба в жизни творческая?

Г. Жубанова. Кого-то одного большого композитора спрашивали, знает ли он, получилось у него произведение или нет. Он ответил, что знает. Мне кажется, это верно. Другое дело, что чувство уверенности приходит со временем. С опытом. В юности ты действительно не уверен в себе, ждешь оценки критика или честного зрителя. И такие оценки часто помогают разобраться в себе. Но высшими судьей творчества должна быть он сам. Я знаю людей, которые, услышав критику, немедленно, без раздумья переделяют свою работу. Это значит, что у них нет внутреннего убеждения, или же они мало отдаются в творчеству... Но глядя на произведение, конечно, приходит в зрительском зале. Перед спектаклем. Одно из последних моя приведенное — оператор «Эльбрус» в постановке по книге Леонида Николаевича Бронзенса «Альбруса». Перед ее стартом я знала: «Быть либо — будет в письме» — задавала такую-то спортивную струту моей души, и прочитав книгу, я уже знала, что буду писать музыку. Все это было Бронзеном и постановщиком. Встановлено со стражами родного изразцового стекла, расщеплено до горизонтального целика, пылью, гордой, широкими добровольцами, тщанием в горничные дни... Музыкальные образы раздавались словно сами собой, и я знала, чувствовала, что оператор подружился с ней — зрителем. И вот — зрителем.

А. Мамбетова. Да еще какой — прошедший год писал Чайковского. Зрители — зрители в зале, зрители — зрители в кинотеатре, зрители — зрители из всей нашей страны на шестой съезд кинематографии. Оркестр — настоящий симфонический в большой зале радио под управлением Хасанова. Бархатистые Пицци Испанского Фонса краткими

директора Вероника Дударова. Конечно, в страшно замороженность. Но это было замечательное, второе привнесло творческую радость.

А. Мамбетова. Не думаю, что настоящий мастер работает только для того, чтобы получать похвалу прятки или другим, ведь это прятки. Самоцелью необходимо более всего. Но творческую роль играет ощущение прятки.

Прятки в идеальном случае автор даже после полного творческого вынужден сам этого замечать только ему недоступным или неприменимым. Видимо, в театре это обычное явление. Обычно потому, что режиссер — дело коллективное. Здесь очень многое зависит от зала, режиссера. Зато все одни в режиссуре с переписками и спектаклем. Но, видимо, иногда, когда нет в зале, там можно стоять. Прятки же не звонят, если никого, но никто же не звонит, если никого, как можно. Одни прятки не постыдятся обманом, другие же скажут: «Мысли были подумать, что со всеми что-то случилось». Вторые — просто прятки — это плюс.

— Ревизоры шутят: «Изобретательность — это мифическое понятие»

Г. Жубанова. В нашем случае залы — залы в смысле зрителей. Поэтому что не один зрителей или большинство, но конкретно зрителей и частично не разбирающих зрителей, кто-то разбирает зрителей друг другом...

Д Е Й Н Е К А

Игорь ДОЛГОПОЛОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Дейнека. Лирика и гражданственность. Спящий малыш, нежный, трогательный. Мир детских грех, букет васильков. Тишина... И другой вы ясно слышите стук моленяжного сердца — трепетный, звонкий. Крошечное начало рода людского. Биение века — гулкое, неуловимое, беспредельное, заключенное в атоме человечьей плоти. Аромат первых цветов, свежесть летнего утра. Неугаданность мечты самого художника в его стремлении к чистоте, правде. И тогда вам становятся понятен другой Дейнека — яростный, гневный, суровый. Любовь и неприятие, в грозные часы — ненависть, вот в чем великий гуманист искусства Александра Александровича Дейнеки, познавшего смысл бытия творца, — в борьбе света и тьмы, в вечном сражении, в познании горя радужной жизни, которая видна каждому, но непостижимо сложна в пластическом выражении, властно требующем выясненности взгляда самого мастера. Ибо, по сути, в каком бы время ни жил большой художник — всегда, каждый час, каждый день, он ведет битву за свет. Другого не дано. Нет великого искусства аморфного, бесполого, нейтрального. И чем ярче талант, тем определеннее звучит его муз, тем звучнее, чище тембр голоса, тем первичнее мелодия его песен. Ведь нет новых полотен. Любовь талантливого холста говорит, поет, рассказывает. Можно годами пытаться вникнуть, понять танцу гармонии, запложенную в творчестве того или иного живописца, но если он истинный художник, нет сомнения, что основа горна — время, в котором он живет, любит и ненавидит. Еще не было поры на нашей земле, когда Человек мог воскликнуть: «Я спокоен! Мир беззабочен. Сон нерушим. Ложь коварство не существует». Увы, но только в драмах Шекспира бушуют страсти, они владеют нами ежеминутно, ежедневно, и круговорот жизни тем и отличается от небытия, что люди подвержены волнению, их одолевают думы о кесовершности, мечты о святлом грядущем. Это состояние открытия, беспокойства, неутоленности желания и есть суть поры, в которой мы живем. Ибо наш двадцатый век с краев переполнен драматургией, мы являемся свидетелями величайших свершений, грандиозных взрывов, сотрясших до основ нашу планету. Мы все обяты силовым полем, соединенным из горя и радости рода человеческого. Гнев оскорбленных народов, чванство и история власти наущих, зловещая тема золотого тельца омрачает атмосферу Земли. Художник, вникший в это понистине апокалиптическое сражение света и мрака, должен обладать мужественным сердцем, нежной душой и твердой, сильной рукою. Таким был Дейнека.

Пройдя по залам его выставки в Академии художеств, словно зриши грандиозную панораму жизни нашей страны. Слышишь грохот марший Октября, веселый шум первых строк молодой Страны Советов, до твоего слуха долетают звуки песен юных создателей небывалой новы. И когда на нашу Родину напала фашистская орда, появился полотна, в которых мы словно окунаемся в самую гущу страшных, геронических будней Великой Отечественной. Сожженные села, тревожная военная Москва, опаленный Севастополь — все это предстает перед нами как великая художественная драмка, как летопись той эпохи.

Раньше других художников Дейнека ощущил дыхание Победы. Уже в 1944 году, когда фронт от Балтии до Черного моря еще сотрясался от грома канонов, от воя и грохота бомбёжек, когда каждая пядь земли была искорежена, изуродована металлом, когда горь и дым застилали само солнце, мастер пишет оду радости жизни.

«Раздолье»... Погожий день. В голубом мареве тают белые летучие облака. Русское раздолье вольно раскинулось на тысячи верст. Несспешно течет река, чуя теменья на перекатах, мощно насет она свою полноводье, играя яркими бликами. Гудят ветер в темно-зеленых лепах ели, обнинвшейся со светлой березкой, шелестит в стеблях сухой травы, выжженной солнцем. На кругогорье быстрее ветра вбегает группа девчак. Они мячутся, вьше влажные послы кудынья, их загорелые тела сверкают на жарком свете. Развеваются, вьются по ветру русые косы... Горячим дыханием юности, свежестью, чистотой, солнцем пронизан этот большой холст. Художник услыхал биение молодых сердца, и ритм — вольный, волнующий — определил колорит и композицию картины. Это далеко распосет песню радости, она достигает могучего бора, тающего на горизонте в сизой дымке, гулко звонит на прибрежных пасчных пляжах.

Победа была уже не за горами, но художник горько переживал потери, понесенные Родиной, и отразил это в бессмертных полотнах. Он любил свой Курск — город, в котором родился и вырос. Александр Александрович ликовал вместе со всей страной, когда в жгучайших сражениях на Курской дуге была одержана трудная, но тем более великая победа. «Раздолье» — ответ Дейнеки на разные подвиги наших армий. Это полотно — красочный салют вольности, вновь завоеванной в смертных боях, ответ честного, бескомпромиссного мастера всем мракобесам и языдям Запада: глядите, Россия живе, победа, чарующа. Ее девушки сродни античным богиням — стройные, длинноногие, быстрые, как мечта.

Дух Эллады... Он витает вокруг нас. Детство. Тускло вспоминаю белую блузку матери и броши-камею, на которой впервые увидел юную красавицу девушки с тонким, прямым профилем, высокой прической и какой-то удивительно гордой осанкой. С того мига прошло более полувека, весь этот долгий путь меня сопровождают молча, иногда сдержанно и задумчиво улыбаясь, чудотворно сложенные, несущие в себе музыку давно ушедших веков фигуры и бюсты героя, богов, богинь, атлетов, просто неведомых людей, поэтов, философов, ваятелей, ученых. Это Эллада. Древняя, вечная по цельности и духу гармонии пора. Ведь, невзирая на все достижения XX века, на вершины науки и техники, освоенные людьми, все же эти образы, встречающие нас в парках и стертых дворцах, музеях и галереях, непостижимы и загадочны своим напокорным духовным магнетизмом, той эманацией прекрасного, которая отличает зоревую пору культуры человечества — греческую античность. Конечно, изучая историю Древней Греции, мы сталкиваемся со многими сложностями, несправедливостями и дисгармониями, присущими любому классовому обществу. Но искусство Эллады — абсолют совершенства по своим динамическим пропорциям, линиям, внутренней наполненности, а главное — той квинтесценции красоты, которая в течение всех последующих веков будет оплодотворять совершенной пластикой, гармонией культуры Земли. Наша страна, как ни одна держава мира, достигла высот в развитии человеческого духа.

Вершины духовности — Рублев, Толстой, Достоевский, Чайковский, Рахманинов и многие, многие другие внесли определили роли России в становлении культуры и искусства нашей планеты. Эта мудрая прозрачная ясность мышления, миропонимания и определяет доброту нашего народа, его миролюбия.

Спросите у этих счастливых девчат, задайте вопрос этим необыкновенным просторам, бездонному голубому небу, светлым березам, выбежавшим на берег могучей реки, и вы прочтете в каждой изобразительной строке этого эпического «Раздолья» только одно слово — мир!

Народ, переживший за свою многовековую историю столько сражений за право быть самим собой, — не скрутишь. Слишком много охотников насяждают свои нравы, свои законы было вокруг Руси. Нетороплив, спокойен, добр наш народ, пока с ним дружат, но если он увидит лицо врага, то ответ один. Он сказан в древние годы: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет».

Оборнитесь...

Непротив картины «Раздолье» в экспозиции выставки — полотно «Сбитый асы, созданное в 1943 году.

«Сбитый асы» показывает нам судьбу врага, посмевшего напасть на нашу Отчизну.

Страшно ощущались колючие, острые надолбы. Они вбиты в землю Родины — разрытую, изуродованную окопами и рвами. Следы глубоких воронок от авиабомб. Шрамы войны.

Окраина города, дымные, обгоревшие руины домов. Горько, одиноко торчат трубы печей, зияют смертные глаза окон разрушенных зданий. Разбитые, искореженные, сваленные набок военные грузовики. Сизо-синяя, гневная течет река. Почти черная застава соснового бора. И над всем этим хламом, разрухой и ужасом — высокое серое небо с белесыми прорывами синевовых туч. Жуткую тишину мертвой земли внезапно пронзил режущий вой. Смердя, таща за собой дымный шлейф, куда-то за раму падает фашистский самолет.

Сложивши в гибельной тоске руки, прикрывая голову и держась за ремни краекрывающегося парашюта, прямо из надолбы летят сбитый в бою нацистский асы. Коротко сраженный «под боксы», с пепельными волосами. Скошен до праха затылок, сомниты челюсти, сведенны скулы. Закрыт глаза, падает этот герой «фашистского ряда» в объятия смерти. Художник нашел единственно правдивый образ. Он не издается над переступающим порог жизни человеком. Дейнека — русский. Он мужествен, суров, но не фанатически жесток и не злобен. И поэтому его холст еще страшней в своей открытии. Мы до боли ощущаем на наступивший миг столкновения ворога с чужой землей. Конец один.

Вспомним «Окраину Москвы», «Оборону Севастополя», «Сгоревшую деревню», и у нас не останется сомнений по поводу позиции автора картины.

Он ненавидит врага. Но Дейнека не становится от этого бесчеловечным. Сияя неонить даёт ему силу зримо показать принчинность конца агрессора.

Спланившая Отчизна, папелища родных мест, оплещенная земля, которую возмечтали поработить эти «сверхчеловеки», с ноголички одетые, выбритые, аккуратно стригенные, пахнущие одеколоном, снабженные первоклассной техникой. Они забыли только об одном — что война, кроме сражения железа, есть еще и битва духовных сил народа. И вот здесь был заложен крах блицкрига. «Сбитый асы» бесконечно современен. Его силу напоминает нам о событиях совсем недавних, о зловещих просчетах, о неисполненных надеждах людей, возомнивших себя выше других.

А. Дейнека. 1899—1969. ЮНОСТЬ. 1961—1962.

Государственный музей искусства имени Р. Мустафазова
Баку

ПОД КУРСКОМ. РЕКА ТУСКАРЬ. 1945.

Государственная Третьяковская галерея

А. Ганин. Радзолье. 1944

А. Дейнека. БЕГ. 1933.

Государственный Русский музей

2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20

Но вернемся к искусству Дейнеки... Обгоревшие цветы, шуршащие на ветру, сожженный ковыль, ржавые откосы глины. Взгляд на пронзительный по своей провидческой силе холст, еще и еще раз горюю здумывающей над той легкостью, с которой некоторые страны повергают целые континенты под удар новой, более страшной катастрофы. Ведь «Сбитый ас» — это еще и пророческий намек на те катаклизмы, которые ждут любого агрессора, посягнувшего на наш образ жизни. Картина еще раз подтверждает, что искусство, принадлежащее своему времени, — бессмертно. Оно рождает ассоциации, будит мысли, заставляет биться сердце зрителя.

Смертная тоска этого фашиста написана рукою художника-гражданина, кисть и палитра которого были отданы служению Родине. В картинах Дейнеки нет недомыслов, двусмыслий, и, уласи бог, бессмыслиц, столь модных для искусства «модерна». Дейнека — реалист. Его муз публицистична. Язык его творчества сродни поззам Маяковского. Они величественны и монументальны. Их голос слышан издалека, хотя колорит сдержан до предела. Искусство художника порадует соединением станковой и монументальной живописи.

Курский босоногий мальчишка гонял голубей, ходил с ребятами на рыбалку. Сизый туман вставал над Тускарью, забийский ветер рвал руношник, гудел ветвями на, кленов, гнал стылью рябь по реке. В детство рано ворвались гулкие первозвонные гудки: Саша любил ходить на работу к отцу. Железная дорога, пахнувшая нефтью, углем, пылью, научила парнишку понимать суть рабочего дня, ценить труд. Он заболел тоскою по стремительным линиям рельсов, семафоров, стрелок.

Юности, нелегкую, но наполненную романтикой астрем и рассставаний. Теплые безлунные летние ночи. Черные руки деревьев лоят шевелящиеся звезды. В бездонной тиши вдруг раздается различная песнь курского соловья. Все это создало душу лирическую, но неспокойную, прямую. Александр Дейнека, широколицкий, крепко сбитый курянин, гордился теми легендами, какие слыхал о своих земляках, еще в степи отбивавших степные набеги кочевников. Этот характер родичей — строгий, храбрый, твердый был частью его, самой сердцевиной. И когда Курск в 1919-м стал ареной кровавых боев, он нашел свое место в рядах бойцов Красной Армии. Саша Дейнека было известно лицо белых, ведь Курск был Шкуро. И сын железнодорожника познал землины линии контрреволюции. Он ходил глухими ночами по пустынному городу, слышал цокот конных патрулей. Его слуги достигали одинаково сухие выстрелы, крики, стоны людей. Рано он понял, что жизнь испытывает человека и что судьба зависит во многом от собственной твердости и чистоты.

Еще мальчишкой он начал рисовать. Мать собирала этюды, не зная тогда их истинную цену. Да едва ли кто-нибудь мог признать в этом упрямом и остроглазом юнце будущего великого художника. Но когда в краснодармской шинели, жилистый, молчаливый, он переступил порог ВХУТЕМАСа, все студенты, не сговариваясь, признали его. Такая хватка была у молодого вхутемасовца, рисовавшего жестко, до удивления схоже с жизнью. Он писал непросто и цветно, но увлекался модернистскими течениями. Дейнека, как птица, пил свое время, и в этом был его гений.

— В общежитии ВХУТЕМАСа на восьмом этаже старого дома на Мясницкой нас жило четверо. Окошко нашей коммутишки до сих пор вижу, когда прохожу мимо, — рассказывает один из Курьиников, народный художник СССР Николай Александрович Соколов. — Однажды, а это было в 1924 году, сосед по нашей «келье» Ваня Попков говорит: «Пойдем в гости, познакомлю тебя с Дейнекой». Мы все знали этого большого, хотя и молодого художника-вхутемасовца. Даэр ВХУТЕМАСа был тогда настоящим клубом. С сентября там все собирались и делились летними впечатлениями, горячо спорили.

И всегда в центре одной из групп стоял Дейнека, его окружала плотным кольцом молодежь. Крепкий, я бы сказал, особо, по-спортивному, собранный, всегда выбритый, гладко причесанный, какой-то свежий на фоне некоторых бородатых, нечесанных «студенческих», вечно бравирующих своей неряшливостью, он был очень замечен. Ребята его уважали за твердость суждений, немноголюбовность и житейскую мудрость.

И вот мы в Лицом переулке, — продолжает рассказ Соколов. — Нас встретил хозяин — Александр Дейнека. Глаза острые, как штопор. Белая рубашка с распакнутым воротником. Весь он походил на боксера или тренера.

Меня поразила скромность обстановки. Одна комната метров в шестнадцать. Это он в ней через три года напишет «Оборону Петрограда», взяв вместе отсуществующего мольберта чехомдан с книгами.

Александр Дейнека сказал: «Будем пить чай».

Простой стол, накрытый клеенкой. У стекни прислонена чертежная доска. Диван. Мы не видели ни мольберта, ни палитры, ни кистей... Пуританская обстановка. Пили чай. Хрустели сушки. Дейнека рассказывал про Курск — остро, наблюдавшись, с каким-то своим зренiem. Вот его короткий рассказ:

«У нас в Курске булыги, пыль. На вывеске одной павочки — мастерской жестянщика — слова: «Цинник. Жестянщик». Вы бы видели этого цинника. Хильный, бледный мастеровой. Когда рассказывал, даже не улыбнулся, только зырнул своими притупленными глазами. Я вспомнил Маяковского. Тот никогда не смеялся, хотя и говорил о смешных вещах. Дейнека было всего двадцать пять, но по хватке, живописи, рисунку уже чувствовался мастер.

Как прекрасны полотна Дейнеки, посвященные спорту! Думается, публицистичность, социальная острота глаза живописца несколько не мешали ему любоваться Человеком, увлекающимся физической культурой, движением.

«Эстафета». Вот поистине страница нашей молодости, полная динамики, воли к победе.

Среди зрителей, под вьющимися по ветру спортивными флагами в толпе стоит сам мастер. Он в белой рубашке рядом с девушкой, держащей букет цветов.

Гудит горячий асфальт, бегут короткие сиреневые тени. Жаркий

полдень. Плынут белопарусные корабли облаков. Загорелые, сильные, юные, мчащиеся спортсмены по просторному проспекту «Кольца»... Мажорное, светлое полотно, как звук времени, мимолетно и вечно в своем утверждении жизни. Треть века — тридцать три года прошло со дня создания этого холста, но он написан будто сегодня, так далеко вперед глядя художник, так современ и точен почерк живописца, так молода была его душа.

«Юность». Эта картина вся эманит от скрытого движения, от упрямого желания преодолеть, взять высоту. Острое геометрическое пересечение прямых линий — постройки панели, белоснежных очертаний трибуны стадиона, колья в руках у спортсмена, наблюдающей за прыжком подруги. Все на миг будто останавливается время. Художник изобразил тренировку. Стадион безлюден. Но сам пейзаж, воздушный, упругий и звонкий, дают нам полноту ощущений, удовольствия от занятия спортом.

С редкой, поражающей четкостью и остротой чувствовал мастер ритм эпохи, сплутал нови. Особенно поражают сегодня герои, населяющие эту «планету Дейнеки» — мускулистые, смелые, гордые.

Художник шагал открытой им новой дорогой. Пусть некоторые искусствоведы находят ранние истоки его творчества на Западе. Не стоит спорить об этом. Далеко ушел сам Александр Александрович от почерка своих молодых холстов. С годами живопись стала сложнее, палитра солнечней, кисть матче и острей. Он обрел вместе с опытом ту юную мудрость, которая свойственна лишь художникам, слышащим голос своей эпохи. Так неизбранным прости мастера итальянского Ренессанса Доменико Венециано, Пьеро дела Франческа... Как любил их Дейнека. В его мастерской рядом с холстами и скульптурами можно было увидеть великолепные репродукции с картин Луки Синьорелли, Микеланджело, Мантемы.

Дейнека — сын своего столетия. В нем жила душа первооткрывателя, но дух новаций несколько не мешал ему любить Рафаэля.

Александр Александрович — художник величайшей культуры. Он сочел природный ум уроженца славного города Курска — и любил называть себя курянином — с пониманием европейской широты вкуса, пониманием современного интерьера, дизайна. Помни, как-то вечером после рабочего дня он рассказывал мне, как много сделали Матисс, Пикассо, Леже для современного костюма, сплуты, архитектуры, типа машин.

В этом ощущении всемирного яода искусства, во «всесовместности» Дейнеки, сочетающейся у него с величайшей принципиальностью, гражданской чистотой, прямотой, и сложился, наверное, тот уникальный художник, который создал свой, «дейнековский» тип героя — героя нашей страны.

Искусство. Каким необыкновенным кажется оно в руках мастера. И каким же скромным, смиренным, уродливым, утверждающим лишь свое ничтожество становится оно, когда даже талантливый художник воспревает не свой народ и Отчизну, а лишь «эго». Себя. Тогда это не взор свободной птицы, видящей мир во всем волшебном сверкании бытия, а взгляд червяка, ползущего по корням гигантского дерева жизни и со своего «червякового» ракурса ощущающего мир во всей его странной суетной детальности. Вот откуда рождаются цинизм, полное пренебрежение к гармонии, красоте. В этом сложная простота расшивок любых превышенных формализма ХХ века, в основе которого — эгоизм, дилетантизм и эпатаж.

Если импрессионисты показали человеку мир, отраженный в зеркале пленэра, то уже через павловка художники-модернисты это зеркало зеркало разбили. И люди с ужасом увидели мир, склонный с осколками разбрасывая исторванное стекло. Но пополнив формальство двадцатых годов цельности воспринята была погублена, расточена и искромсана во имя, казалось бы, передовой мысли — отразить экспрессию, динамику нови.

Харacterны, поучительны черновики Дейнеки к статьям, которые я увидел в архиве мастера. Порою на отдельном листке бумаги простым грифельным карандашом крупным почерком отпечатан, как в бронзе, ясная фраза. Художник не брал в руки карандаш или перо, не выносил в сердце, глубоко не пережив взволновавшего его идею. Этот принцип характерен вообще для творчества Александра Александровича, которое имело очень определенное и сложившееся с годами правило. Началом любого холста был взволновавший мастера жизненный факт, импульс, зажигавший искру. Дальше пламя замысла зажигало руку художника. Порою этот процесс эмоционального изложеия горючего был длительен. Затем после окончательно сложившейся пластической формулы живописец готовил рисунок, каркас композиционного решения. И вот наступал момент творческого взрыва — Дейнека фантастически стремительно писал холст. Это было похоже на удар молнии. Некоторые полотна созданы за несколько часов. Знаменитая «Оборона Петрограда», по рассказам современников, написана на меньше чем за две недели!

Вдова художника вспоминает, что портрет «Юного конструктора» утром еще представлял собою чистый холст. Вечером, когда Елена Павловна вернулась с работы, картина была написана.

Бродя сегодня по выставке работ Дейнеки, как бы ощущаешь этот радостный акт сотворения. И какой бы трагический ни была картина, виднеющаяся простота, с которой она написана. Душевная открытость, честность, взволнованность автора мгновенно передаются зрителю, словно участвующему и вновь переживающему светлые и горькие страницы летописи нашей Родины. Ревнодушных на выставке нет!

Магический кристалл гения Дейнеки был глубоко гражданствен. Любые поэтические явления, самые интимные по звучанию темы всегда обращают под кистью мастера яркую очерченность во времени. Глядя на его холсты, всегда скажешь: это двадцатые, тридцатые, сороковые годы. Так точны состояния, характеры, смыслы полотен мастера.

— Композиция, — говорил Дейнека, — имеет много правил, но я помню главное правило искусства, что художественное произведение имеет свойство показать явление глубже, целище, внутренне убедительнее, чем это может сделать голый жизненный случай.

Факт — случай — шедевр искусства. Сколько энергии, лирической заволнованности, наконец, богатства душ, поэтического полета нужно иметь в запасе, чтобы так понять смысл, ключ, причинность жизненных явлений. Да, дорога к шедевру — это путь труда, нечеловеческого по потребительности отбора, владение тончайшими чувством рисунка, цвета, колорита.

— Я желаю найти новую красоту, новый пластический язык, — сказал однажды художник, — и эта новая, большая, юная, требовала новых ритмов, в новых живописных планах.

Обостренный пластический слух давал тот некий остроты, неповторимость силуэта, рождал удивительно острый правдивый стиль. Реалистический и романтический. Лирический и гражданственный. Стиль Дейнеки.

Александр Александрович обладал пушкинским даром понимать всю планетарность звания Человек. Его холсты, созданные за рубежом, потрясают своей точностью попадания, точностью юношеских, неповторимой первичностью ощущений. Не раз я ловил себя на мысли, глядя по Риму, что он создал как бы экстракт, символ великого города в своем шедевре «Улица в Риме», написанном в 1935 году. Густое синее небо с одинаковыми висящими белыми крохотными облаками. Цвета склонны глухая стена с окном-иллюминатором, античная скульптура, краснорозовые монолиты в черных головных уборах, рабочий с серым молодым лицом и бегущая горячие темы — это кинетическая, написанная живописцем без тени гротеска, но предельно колючее и раскрытое. Как ни странно, при всей многогодности, набитости турбинами древний Рим, его памятники отрываются от суеты будней, и создается иллюзия пустынности. Этот феномен передает Дейнеку.

Как неожидан на Риме Дейнеки его же Париж, с обжигающими старыми домами, крытыми переворотками, уличными кафе. Живописец нашел свой ящик к колориту столицы Франции — серые, голубые, иногда ярко-красные тона.

Почти уникальной по теме, колориту, а главное, состоянию является картина «Ночь». Чёрная пустота арки зеркала. Полюса, установленная лармориумом, безделушками, пастрыми предметами туалета, фланками, пуховой для пудры, букетом сухих цветов. Синий к нам женщина, сильная, полуобнаженная, она поправляет прическу. Цепкие руки, тяжелый браслет и — в зеркале — черные прорези глаз, матически заряжающие. Альяр рот, ярко накрашенный помадой губы. Эта картина по своей экспрессии и тонкости сюжета, необычного для художника, однокака на выставке. Незнакомка — так, пожалуй, звучит в творчестве Дейнеки этот холст. Рядом с ним на стене «Гарножанка» — великолепный этюд, рашеванный в красных, альяр, багровых, теплых серых тонах. Элегантная блондинка в крохотной, ныне снова модной шапке с розовым пером.

В прошлом двери, рядом с «Ночью» — русская мадонна XX века, «Мать». После всех просмотренных работ еще раз убеждаешься, что это женщина творчества Дейнеки. Все величие духа русской женщины, гордая красота сильного тела, чаканная тонкость лица, склоненного над привлекшим к ее широкому плечу малышом, — все написано мощно и мягко. Часами можно стоять у этого холста, размышляя о неизмеримости и безднотности темы. Века проплели, сменились названия государства, изменились формы их устройства, а тема «мадонин» живе и будет жить, пока живет Земля. Хотя надо заметить, что некоторые исторично настроенные люди делают все, чтобы наша маленькая планета если и не взорвалась, то, во всяком случае, на много лет стала бесподобной...

Живописец был мудр и мужествен. Вот он глядит на нас с «Автопортретом» 1948 года. Художник пережил гибель друзей, его родных в Курской битве были в оккупации. И вот на пороге полузвука — Александр Александрович родился в 1899 году — мастер пытливо взглядывает в нас. Крепкие, с фигурую атлета, в запяте, он с перекинутым через правую руку полотенцем только что вышел из душа. Волосы, глядко причесанные, еще влажные. Позади него — многоизначительная деталь — на полу стоит пустое чистое полотно на подрамнике. Мастер ждет работы. И он готов к труду, подвигу, спору, а если нужно, и бою. Таков Дейнека — гражданин своей великой страны, «Автопортрета» подчеркнуто прост. В нем нет тайн, колдовства света и тени, неразгаданных улыбок. Я бы сказал, этот холст подчеркнуто высокороден, поставлен. Это манифест мастерства. Никаких склонов на манерность, формальные изыски, недоговоренность. Но это не та серая бесплодная подбородьба, которая носит вполне научную формулу — натурализм. Нет! Это боевой реализм. Мастерство высшего класса, не боящееся ракурсов, знающее структуру пространства. Умение, стоящее на фундаменте великих традиций мировой и русской классики.

Пройдя анфиладу залов выставки произведений Александра Дейнеки, словно подводишь в гигантскую аэродинамическую систему, которая испытывает тебя самого на прочность, стойкость, чистоту твоей души. Полотна живописца бескомпромиссны. В них звучит честное сердце мастера, который любит либо ненавидит. Художник ясен. Но это не означает, что он прост и однодimensional. Искусство Дейнеки пристрастно. Он отдал свой гений целиком, без остатка, времени, в котором вырос, возмузжал.

В наши дни нередко говорят о сложности, многозначности искусства. Это прекрасно! Но, однако, это все же не означает путаницы, двурушничества, электика, подражательства и зыгирования с формализмом.

Распахните цветную вкладку нашего журнала. Вглядитесь еще раз в дату написания «Раздолья» — 1944 год. Он воспал этих русских девчушек, словно лягушек над голубыми просторами своей свободной земли. Сейчас они улыбаются, милят, добродушны, но именно они, эти девчушки, в страшный миг военного испытания стояли бы Зоей Космодемьянской, Лизой Чайхной, Ульяй Громовой. Мудрые «советологии» и «кремлевщицы» будут еще десятилетия размышлять о бруссской загадке. Им не понять, этим pragmatikам, что подмы рождается в мире иммиграции, счастья, любви. Именно тогда, как простой ответ врагу, возьмут

никак состояния, в котором честь твоей страны и твоя личная судьба становятся едины.

Сегодняшний мир сложен. Тысячи профессионалов ломают голову, как замутить воду, как изобразить белое черным, как сместить понятия добра и зла, свободы и рабства духа. Не потому ли некоторые «историки» так боятся говорить правду о событиях Великой Отечественной, что хотят вспомнить дружеские ружопожетия у Эльбы, солдатское объятие союзников на земле, породившее нацистскую агрессию.

Остановитесь у картины Дейнеки — «Оборона Севастополя», «Сгоревшая деревня», «Окрана Москвы», и вы почувствуете всю суровую борьбу тех дней. Неповторимые приметы времени, которому принадлежал художник. Но как жесть напоминает нам мастер о войне, о руинах, об изрытой земле, о миллионах погибших.

Счастлив тот, кто знал Александра Александровича Дейнеку. Слушал его. Запоминал его удивительные слова об искусстве.

Незаметно проплело десятилетие, но и сегодня перед глазами стоит образ этого замечательного Человека. Правду говорят, что гора кажется там выше, чем больше уделяется от нее путин. Так и Дейнека. Чем больше проходит времени, тем все монументальнее и мощнее обрисовывается огромный Художник, поразительно прямой и мудрый.

Он любил повторять:

— Говорить об искусстве так же трудно, как рассказать о разнице в запахах блок — антиковы и бумажного ранта.

— Молодость должна знать, что хочет. Но это еще не значит мочь. Я сейчас, в своих зрелых годах, больше всего боюсь быть моралистом за счет накопленного авторитета. Беда многих художников старшего поколения в том, что они на дорогах искусства предпочтительны знаки запрещающие, а не указывающие. А кому же, как не молодежи, пробовать, искать, выразительные смелые слова и образы, самими проницательными и пережитыми.

Поражает простота, отборянность пластики Дейнеки. Где бы он ни был, что бы ни писал, его полотна почти символы, знаки, обретающие словно мистическую реальность.

Много написано строк, цехов, самолетов нашими художниками, но, пожалуй, никто из них не создал столь обобщенно острый образ нового, как Дейнека. Одним из качеств мастера была огромная культура, школа, знание поэзии, музыки, литературы и, конечно, прежде всего изобразительного искусства. Александр Александрович превосходно писал. Вот его слова о гениальном итальянском художнике: «У Микеланджело ничего лишнего, один человек, остав дерева да глыба пустой земли. Но перед всем встает целый мира».

Это никак не означало, что энциклопедические знания истории культуры и искусства мешали Дейнеке быть новатором. Ему помогали в поисках новых мощных общественных темперамент, воля и совесть творца. Но скажет простота композиций Дейнеки требовала, кроме огромного чувства, фундаментальных знаний, великого дарования, еще и колоссального труда. Вот этого и не понимают иные подражатели искусству Дейнеки, по существу, опишающие стили мастера своими губами, псевдомонументальными «кадорными» подделками.

Мастер говорил о таких псевдомонументаторах:

— Слишком быстро многие художники впадают в привычный схематизм признанной левизны композиции, трафарет поэз. Уродство человеческого облика не влечется с нашими представлениями о красоте человека.

Дейнека любил молодежь и очень терпеливо относился к ищущим.

— Терпимость необходима, — считал он, — и к возможным ошибкам художника в поисках прекрасного. Жизнь меня научила понимать, что настоящий искусств, его стиль создаются человеческими страданиями и радостью и что напротив стиля занять нельзя. Сумма впечатлений, приходящихся на мою долю, иногда меня потрясает. Я смотрел, как многое меняется, желал найти пластический язык новому, красному, большому. — Дейнека остановился. Большая рука описала кроткую перебору: — Девушка напрягала мышцы, и, обстриг контуры молодого тела, рывком летят с вышки, расплата руки, в воду — фигуры меняются, прыжки то острые, то плавные, то широкие, но всегда прекрасные. А взлох бухты медленно разворачиваются на воде гидросамолеты и, вырываясь, упрая, бешено размазывая скорость, отрываются от воды, с ревом несутся над вашей головой, и летчики вам улыбаются. — Дейнека замолчал и задумался. — А потом на фронте на снегу я видел сбитого летчика, и он был, как убитая птица... Двадцатый век, век контрастов.

Как вечером мы бродили с Дейнекой по набережной Москвы-реки. По густой темной воде, как светлые стрелы, плыли, нет — летели подки-сифы, острые, стремительные.

— Иногда, — промолвил Александр Александрович, — я будто слышу голоса отца, матери, друзей, близких. Песни далекой юности, спокойную речь учителя, плач старух, беззадежный, страшный, над умершим сююм. Потом я слышу запах цветов, самые разные, самые тонкие, ведь каждый цветок пахнет по-своему, свой запах имеет разные сорта яблок, смородины, деревьев...

Мгновенно я вспомнил, как Дейнека любил сам растить цветы. Рез он привез шесть кустов жасмина и посадил на участке дачи в Переделкине. В последние годы жизни взял да и вырастил целую грядку астр.

Стоял Крымский мост прочертят закатом неба.

— И может, оттого, что я так много встречал несчастья, горя, — тихо сказал Дейнека, — я уразумел, что это все скрывают поэмы, здор, искусство и что есть в мире красоты. Искусство — это неможко идеал. Желание большого, честный, честный, живиша. Я считаю: искренность — основа искусства.

...Над Москвой-рекой летали чайки. Их крики, пронзительные, тревожные, волновали душу. Высоко на холме горело золото куполов кремлевских древних храмов.

ЛИЦА ДРУЗЕЙ

Виктор ШИРОКОВ

Что-то происходит с нами,
потянулись к старине.
Может, стосковалась память
по музейной тишине...

Чувство Родины, России
в нас остро вспыхивает
от небесной звонкой сини
и рябины у ворот.

Ступиши на дощатый мостик,
ахнешь сам — а что с тобой?!
Вроде ты поехал в гости,
а попал к себе домой.

СИВЦЕВ ВРАЖЕК

П. А.

Первулок Сивцев Вражек.
Сколок скозынок речей.
В этот каменный овражек
затекает... Здесь — заказник
зданий, мыслей и фонем.
Чувств непрходящих праздник
здесь витает надо всем.
По бульянникам горбатым
здесь влеклась арба новогод.
В переулке за Арбатом
птица Вильяма живет.
Я иду к поэту в гости —
через страны и века, —
и густых метафор гроздья
так и ссыпят с языка.
Распиной, как тульский пряник,
льнет и ласкится косык...

Сивцев Вражек, я твой даник.
Получи сполна ясек.

Не знаю, что это такое,
когда, четырежды права,
в земле,
без солнца,
под землею
растет упорная трава.
Она не зелена.
И все же
назвать ее бесцветной
жаль —
извечный цвет свободы
ожил
в ростке,
свернувшись в спираль.
Весной светлей
и ближе дали...
Так сильный выглядит
доброй.
Коснись — она и впрямь
одарит
супорной нежностью своей!

БОТАНИЧЕСКИЙ САД

Ботанический сад.
Одомашненный лес.
Вне железных оград
светлый купол небес.

Льется в каждый прогал
тишина. Синева.

Этот строгий хорал
заглушает слова.

И плынут облака,
и качается куст,
и ребенок бежит
по траве босиком...

Все сплилось, все летит,
все в первые одном!
Соты с солнцем, дружок,
мы уносим с собой.
Шмель заводит движок.
Стынет мед голубой.

Благолепие райского сада,
винограда студеная сесь
не нужны мне, поскольку досадно
быть счастливым и ищущо и днесь.

Трудоемка природы основа,
свет и тень перамешаны в ней,
и рождение разумом слово —
долговечной минутных страстей.

Может, только привычкой
и страстью, и страданью,
за которым работа души,
формируется центр мирозданья —
сама зятелей и темной глущи.

И поэтому ищущо и днено
не бросаю убогих счастей,
мысли — мой парус в бескрайней
вселенной.
Маяки — сотни вымытых в ней.

КУВА

Кува... По-коми: мертвав вода.
Слова, и только... Смерти нет

следа!
По берегам цветущие луга.
Не молкнет гам. Бессонни берега!
Полне движенья грудь живой
реки —
волна с волной бегут вперегонки.

И, прерывая свой далекий путь,

порой седея утки отдохнуть.

И, в пригоршни набрав речной

воды,

пьет девушка, не чувствуя беды.

Быть может, где-то в сонной
глубине
все то, что там тревожит сердце
мне?
Кува... О нем первоизходец
заял,
когда печальным именем называл?
Быть может, здесь географ
занимог
и он с тех пор остался одинок?
Быть может, в нем надежда
умерла,
что зла не вносят добрые дамы?
Быть может, сам он счеты свел
с судьбой,
когда шнурок увидел голубой...
Кува... Ветхозаветная река...
Которая вся течь издавна?
Скажи, над чем твой тяготят рок?
Что мне сунут твой голубой
шнурок?
А может, сам я, мучимый тоской,
нейду разгадку, став на ее туфь?
Слезой по небу скатится звезда...
Кува... По-коми: мертвав вода.

Ты старинное русское имя
на сегодняшней карте найди
и тотчас поезжай во Владимир,
в Золотые ворота юнди.

И откроется чуткому взору
красота запоездных затей:
соболиные шаги соборов,
белизна древнерусских церквей.

Ветер времени, мончий и разин,
колокольным ударят крылом,
и отныне рублевские фрески
не померкнут в сознанье твоем.

Здесь — глаазы владимирских
зодчих,
створивших высокий музей, —
ты взглянешь остree и зорче
в стены храмов и в лице друзей.

ЗАРНИЦЫ

Петро. ПЕРЕБЕЙНОС

ВЫСОТА

На черных лентах чахнет
позолота.
И скорбный ветер яростно
свистит.
В пространство
и магнолией пилота
пропеллер,
как душа его,
льнет.

Он рвется ввысь — и нет ему
преграды.
Он мир сумел увидеть и обять.
Тут ясно все.
Тут лишних слов не надо.
Тут просто надо молча постоять.

Гранит слезится горькой
позолотой.
Простерли крылья хлебные поля...
Застыл пропеллер —
памятник Пилоту,
и все быстрей вращается Земля...

Перевод с украинского
Игорь ФЕДОРОВ.

Растя скорей, сынок,
я научу
тебя кусу точить
и на рассвете

росистые зарницы
клещ в покос.
Ты зной, сынок;
я сам, как повелось,
науку эту принял
от отца,
отец — от деда,
дедушка — от прадеда...
Скаку по праце;
страшно,
если вдруг
со мной угласнет
в вечной неизвестности
живой огонь
науки всех наук...
Нет,
пусть далекий винок
в горячий мозг
впечатает на совесть;
чтобы комбайны
двинулись в хлеба,
путь пролагая
вечною косою.

КАКТУСЫ

Кактусы, диво-скульптуры,
странен и чуден ваш вид.
Дерзкая ваша натура
многое мне говорит.

Пики зеленых штандартов
целятся в сердце мое,
властных законов стандарта
скульптор ваш
не приживет.

Эта несхожесть обличий
чем-то тревожит меня.
Манят ваш мир необычный,
тайну рожденья крамы.

Смелые дети природы.
в каждом ящре — икона,
род ваш колючий и гордый
немощных колпак не знал.

Бьется в кольматой плоти
веничности вашей якости...
Кактусы, люди! отпрайте
суть своего естества!

Авторизованный перевед
с украинского
Евгения КРИКЕВЧИЧА.

то что в Сухуми,— Костенко надел очки и начал медленно читать предварительное заключение экспертов и первые допросы, проведенные следователями.

Люди входили и выходили из дощатой, на сквозь продуваемой ветром чебуречной, тягуче медленно вязала двери, на смазанную ни осенью, ни весной; инструкцию, видеть, не успели спустить. Костенко хмыкнул: «По отношению к Рице надо говорить — что успели подняться», здесь же горы, начальство сидит внизу, в Сухуми, на побережье. Смешно: «сначала поднимите нам инструкцию, а потом мы двери смажем». Как такое перевести на иностранный язык? Не поймут ведь. Даже Салтыкова-Щедрина понять не могут, самого великого нашего писателя, — если отсчет начинать с Пушкина, понятное дело. Толстой писал про мир, Достоевский конструировал личность, отталкиваясь от общечеловеческих проблем, а Салтыков, Лесков и Успенский писали о России — потому-то и не знают их на Запад...

Костенко долго читал описи обнаруженных веществ, первые допросы следователей и заключения экспертов, а потом отодвинул от себя папки, поднялся и сказал:

— Это все поверхность. Тут не за что зацепиться. Серго, пошли еще раз место посмотрим.

...Зантересовали его лишь две вещи: полуспонжки, в которые была обута неизвестная женщина, и кофточка.

Он долго рассматривал этикетку — немецкая фирма, прочесть толком невозможно.

А вот в полуспонжках, подняв сгнившую стельку, он увидел следы фабричного клейма: «Ир. у. с. а. бу. на. фаб. к.»

Костенко обернулся к одному из сотрудников, приехавших вместе с Сухишвили:

— Составьте, пожалуйста, телеграмму: «Иркутская обувная фабрика. Срочно сообщите ГУУР МВД СССР полковнику Костенко, когда ваше предприятие начало изготавливать зимние полуспонжки, черные, на меху белого цвета, с простроченным рантом и узором, типа «снегинки». Просу сообщить также, в какие области страны ваша продукция этого типа была отправлена летом — осенью прошлого года — до середины октября включительно. В связи с тем, что речь идет об особо опасном преступлении, ответа жду немедленно. Костенко».

— Когда отправить? — спросил помощник Сухишвили, молоденький, чесурс расторопный лейтенант. — Если срочно, мне надо ехать вини; здесь отделение связи еще не работает.

— Тогда звоню правоохранительные органы, и немедленно отправьте в Конаковский уголовный розыск капитану Урузбаеву для предъявления тетушке Петровой...

— Так и напишите — тетушке Петровой! Костенко усмехнулся, покачал головой:

— Молодец...

Он достал записную книжку, заведенную специально для этого дела, пролистал страницы и продолжил:

— Для предъявления Клавдии Егоровне Еремовой, единственной установленной родственницей Анны Кузьминичны Петровой. Пусть Урузбаев спросит: в сапожках ли ее извешала племянница прошлой осенью? Если Клавдия Егоровна ответит положительно — можно предъявить фото. В противном случае — не надо, пусть говорят о кофточке.

— Плакни цветная, товарищ полковник, но печатем черно-белые Фото, аппаратура еще не подошла, ждем...

— Эх-хе, — вздохнул Костенко. — Нет на нас раз... Или иначе... Впрочем, если появится, будем стемять по тому времени, когда пытались уговором, добротом и ласкою... Я ведь полгода как завизировал приказ о передаче вам цветной аппаратуры, неужели нельзя было порастороннее?

— Можно, товарищ полковник, — ответил лейтенант, — мы приезжали в Москву, но хождественные «сказали», что такого рода аппаратуру надо отправлять в сопровождении; мы согласились, что у них на складе нет материально ответственного — в отпуске. Приехали через месяц, тот человек появился, но ушел в отпуск. Бухгалтер склада, а без его закорючки тоже ничего не получишь. Мы

через месяц снова приехали, но тогда начальник склада ушел на пенсию, нового назначили, а заместитель отказался подписать искладную без того, что вы вторично завизировали, а вы были в командировке, так мы ни с чем и уехали...

— Но ведь заместитель мой был!

— Он-то подписал, но складской ответил, что для него действительна только ваша подпись.

— Значит, так, — жестко сказал Костенко.

Напишите на мое имя рапорт, приложите билеты, подсчитайте, сколько денег прошли по командировочным в Москве, и передайте полковнику Сухишвили. Он знает, как переслать мне — по служебным каналам, официально. Я добьюсь, чтобы взыскали деньги с наших волокитчиков и передадут на счет грузинского угрозиска. Но сейчас — не знаю как, любым путем — сделайте, пожалуйста, цветное фото кофточки, она запоминается только в цвете; предлагать для опознания в черно-белом варианте нет смысла.

Ночью, вернувшись в Сухуми, Костенко прочитал Сухишвили набросок оперативно-розыскного плана.

— Только не перебивай, Серго. Дослушай, а потом вноси предложения.

— Я весь внимание, не пророню ни слова, скажу материю.

— Браво, — сказал Костенко и откинулся на спинку кресла, прислушавшись к шуму моря за окном, смеху курортников и далекой музыки. — Итак, убитой является женщина примерно двадцати восьми — тридцати двух лет. На обнаруженных частях тела следов от ран нет — следовательно, убили ударом в голову... Расчленение острым топором...

— Или кинжалом, — заметил Сухишвили.

— По приблизительным признакам экспертов, рост покойной мог составлять сто пятьдесят пять, сто шестьдесят сантиметров. На трупе была шерстяная импортная кофточка черного цвета с красными продольными линиями, черное платье — этикетка снята, установить фабрику невозможно — и черные полуспонжки. Так?

— Так.

— Опираясь на показания пасечника Шурбаги, мы вправе полагать, что убийство совершили в конце ноября или в начале декабря, перед самым закрытием сезона, когда снег отрезает Рицу. Так?

— Так.

— Выдвигаю версии. Первая: убийство могли совершить люди, проживающие в районе Рици.

— Искилюено.

— Ты же обещал не перебивать меня?

— Хорошо, оставь, мы отработаем твою версию, но это пустая трата времени.

— Второе: женщина могла убить приезжие или приезжий, с которым покойная познакомилась по дороге на Рицу. Третье: убийство могли совершить преступники-гастроеры. Четвертое: убийство мог совершить любовник, желавший избавиться от случайной связи, узак, что женщина беременна. И, наконец, пятые, если мы допустим, что убитой является Анна Петрова, убийство мог совершить Милинко, ибо очень похож и рост убитой и возраст, да и манера убийства идентична магаранская.

— Какой ему был смысл убивать?

— Чтобы избавиться от свидетеля. Чтобы развязать себе руки для новых преступлений; два человека — это и есть два человека, а один, да еще зверь, куда как страшнее, потому что мобильней...

Предложения. Первое: ты прочесывавшись весь район — надо найти... постараться найти орудия убийства. Второе: твои люди просматривают регистрационные книги в гостинице Рици — все, кто останавливается в последних числах ноября или в декабре, должны быть опрошены. Фотография Милинко, весьма некачественная, как и фото Петровой — без очков и с другой прической — единственное, что мы пока что смогли получить, — присыплю тоба для бесед с теми, кого ты установишь из приезжавших сюда глубокой осенью, так?

— Постараюсь...

— Почему, однако, я вцепился в версию убийства именно Петровой? Объясняю: жен-

щина приехала в полуспонжках, значит, приехала с севера или с востока, купить тут у вас хорошую легкую обувь — то же, что мамонта отколола в Европу.

— Почему, у фарцовщиков можно.

— Если это Петрова, если ее убил Милинко, так называемый Милинко, то он с фарцовщиками связываться не станет: слишком огорчен. Он будет покупать только в магазине, Серго, поверяй мне. Я где-то чувствую этого человека, я настроена на него, он боится случайных контактов, он осторожен, — как зверь, понимаешь?

Телеграмму Урузбаева из Коканды передали Костенко уже в Москве. «Еремова не помнишь, в чем была одета племянница, крайне обеспокоена, что до сих пор от нее нет писем. Ни полусапожки, ни кофточка с уверенностью опознать не могла, ибо плакала, спрашивая о судьбе любимой и единственной племянницы».

«Урузбаеву. В вашем первом рапорте упоминался некий «внук Ирочки». Кто он? Жив ли? Если жив, каков его адрес? Костенко».

«МВД СССР, ГУУР, полковнику Костенко. «Внуком Ирочки является штурман дальнего плавания Егор Львович Пастухов, проживает по адресу: Рига, Советская, 512. Капитан Урузбаева».

«МВД СССР, уголовный разыск полковнику Костенко. На запрос 52/3 сообщаем, что наша фабрика начала выпуск кожаных меховых полуспоножек черного цвета с узором типа «снегинки» в третьем квартале 1977 года. По нарядам 542/III-45, 592/Л-11, 72/345-К-2 партии полуспоножек в количестве семи тысяч штук отправлены в Якутскую область, Хабаровский край и Магаданскую область. Заместитель директора Иркутской обувной фабрики по сбыту Кузяметов».

«МВД. Полковнику Костенко. Партия черных полуспоножек иркутской фабрики была получена магаданским горторгом 12, 13 сентября и 4 и 12 октября. Реализовывались в магазинах номер 7 и 3. Магазин № 3 расположен в ста пятидесяти метрах от дома, где проживала Петрова. Предполагаю начать работу через продавцов и по линии бухгалтерии, поскольку сапожки были в городе большим дефицитом, получали их, как правило, из-под привлек. Срочно требуется фотография Петровой, но не та, которую мы изъяли из ее личного дела — даже близкие знакомые не признают в ней Петрову — без очков и с длинными волосами. Установлено, что ее фотография в личном деле была шестиплетней давности, когда она только устроилась на работу. Майор Жуков».

«МВД СССР, ГУУР, Костенко. В настоящее время Е. Л. Пастухов находится на сухогрузе «Глеб Успенский» в качестве второго штурмана. Судно следует рейсом из Сингапура с заходом в порт Неаполь 29 мая с. г. Дальнейший рейс будет зависеть от «Совфрахта». Опросом соседей установлено, что Пастухов, не разведясь формально со своей женой Н. Н. Пастуховой, уже полтора года живет отдельно. Отзывы о нем самые хорошие. В службах пароходства характеризуется с самой положительной стороны. Виновным в разрушении семьи его не считают. Подполковник Струминьши.

«МВД ЛССР, подполковнику Струминьшу. Где жил Пастухов, когда приходил из рейса? Костенко».

«МВД СССР, ГУУР, полковнику Костенко. Во время отпуска штурман Пастухов остановился в доме своего друга, первого помощника капитана «Глеб Успенский» Котова Р. Г. Однако, как сообщили жена Котова, весь свой багаж — один чемодан и портфель с письмами и фотографиями — он забирает с собою в рейс. Подарки, которые приобретает на валюту, передает через дочь Котова своему симпатичному сыну, ибо жена отказалась показывать ему ребенка, несмотря на то, что у них постоянно живет любовник, кандидат

философских наук Захватаев. Подполковник Струмнишь.

«МВД СССР, ГУУР, полковнику Костенко. НТО дало заключение, что в тайнике на квартире Петровой хранился золотой песок. Путем повторного осмотра квартиры Петровой и Мишико нам удалось взять два отпечатка пальцев, принадлежащих мужчине. По карточке не проходит. Высыпала рисом 231 с командиром корабля Ефремовым; перед вылетом уведомлю звонком, прошу встретить. Майор Жуков».

Москва. Работа-VIII.

Костенко протянул генералу радиограмму: только что вернулся из Министерства морского флота, беседовал по радио с Пастуховым в течение получаса, больше не разрешали, и так, сказали, «из-за уважения к угрозыску, цените и помните, когда наших обчистят, будьте особо внимательны».

Генерал читал, помогая себе карандашом, водил по строчкам, иногда карандаш замирал, и Костенко поэтому мог определять, на чем споткнулся его шеф.

«Костенко: — Товарищ Пастухов, здравствуйте, я бесконтактно вас в связи с вашей родственницей, Анной...

Пастухов: — А в чем дело?

Костенко: — Уехала в отпуск и подзадержалась, тетушка ваша волнуется, мы начали поиск.

Пастухов: — Эх, Анна, Анна...

Костенко: — Вы что-нибудь предполагаете?

Пастухов: — Да ничего я не предполагаю, жаль бабу, несчастный человек.

Костенко: — У вас много ее фотографий?

Пастухов: — Есть.

Костенко: — Когда она последний раз пришла вам фото?

Пастухов: — Не помню...

Костенко: — Она была на этом фото в очках и с короткими стрижкой?

Пастухов: — Да.

Костенко: — В чернильной кофточке с красными поперечными полосками?

Пастухов: — Нет, в купальнике...

Костенко: — Так она что же, с моря вам прислаяла фото? В ноги!

Пастухов: — Да.

Костенко: — Она одна на фото или с приятелем?

Пастухов: — С каким?

Костенко: — Она вам ничего не писала? Именем его не называла?

Пастухов: — Нет. Погодите, нет, она что-то писала: мол, Гриша неворотный человек и, мол, скоро она меня обрадует приятной новостью. Вообще странное письмо. Кто такой этот Гриша?

Костенко: — И мы этим заняты, товарищ Пастухов. Раньше она вам о нем не писала?

Пастухов: — Писала года четыре назад, мол, познакомилась с прекрасным, надежным, сильным человеком, а потом как отрезало, ни разу про него не говорила, и вот снова: «Гриша, «радость».

Костенко: — Говорила? Или писала?

Пастухов: — И то и так. Она прилетала ко мне года три назад в Ригу.

Костенко: — Однажды?

Пастухов: — Одна.

Костенко: — Жила у вас?

Пастухов: — Нет.

Костенко: — Где вы встретились?

Пастухов: — В кафе.

Костенко: — Она вас просила о чем-то?

Пастухов: — Это может быть связано с ее пропажей?

Костенко: — Да. Вы понимаете, видимо, мой вопрос?

Пастухов: — Да, я понимаю. Но я сказал, что она выбросила это из головы.

Костенко: — Она просила вас взять с собой ковчег в рюкзак и там обменять, я вас верно понимаю?

Пастухов: — Верно. Но до этого не дошло. Я сразу отказал...

Костенко: — Вы не помните, за соседним столиком, рядом с вами, не сидел мужчина, крепкого кроя, лет пятидесяти?

Пастухов: — Да разве сейчас вспомнишь?

Крытый стадион на проспекте мира.

Костенко: — Очень бы надо. В кафе ее вы пригласили или она?

Пастухов: — Конечно, я.

Костенко: — Как вы туда добирались? Пешком или на такси?

Пастухов: — На такси.

Костенко: — Аня вас оставляла, когда вы сели за столик?

Пастухов: — Не помню... Погодите, кажется, она уходила... Ну, в туалет, причесаться, губы подмазать, женщина же...

Костенко: — А она потом не просила вас помнить ее местами: дует, например, или солнце бьет в глаза?

Пастухов: — Погодите, погодите, просила, именно так и сказала: «дует». У нее ведь сиды больные, все время кутается...

Костенко: — И теплую обувь начинает очень рано носить, еще в сентябре, да?

Пастухов: — Шерстяные чулки, во всяком случае. Это с действом у нее, росла в Белоруссии, — она кашляла, потом добавила иным голосом, — голов, то есть... нехватка некоторых высоконапорных продуктов...»

Карандаш генерала замер. Костенко поднял глаза на шефа — тот молча колыхался в кресле от тихого смеха:

— Какова бдительность, а! Эк он себя повсюду поправляет... А чего скрывать: до середины пятидесятых годов Беларусь, да и не только она одна, жила впроголодь. Вы очень ловко вели с ним беседу, великолепно, Владислав Романович... Но вы пришли с каким-то предложением?

— Пожалуй, правильнее будет дочинать до конца записки радиобеседы, а потом я изложу соображения...

— Я понял вас, — откликнулся генерал.

— Но, увы, если понял вас верно, обрадоватьничью не смогу.

И снова карандаш начал медленно ползать по строчкам.

«Костенко: — Товарищ Пастухов, вы не смогли бы из Неаполя подлететь с вашим альбомом в Москву? Не давно...

Пастухов: — С радостью. Если на неделю — того лучше, мы будем в Неаполе стоять под загрузкой дней десять. Только как с бильгитом! Валюты у меня мало... (он снова разозбрался, поправился) не слишком много...»

Генерал снова заколыхался в кресле:

— Нет, положительно наши моряки умеют работать с кадрами. Я, признаюсь, поначалу решил, что вы попросите в Неаполе, и я бы был вынужден вам отказать, потому что... подражая Пастухову, — валюты у нас мало... то есть вовсе нет — на третий квартал. Понятно! Я ваши называя именами, хотя разделяю ваше желание полюбоваться Везувием.

— Я уже любовался им.

— Когда?

— Три года назад, туристская поездка.

— Я думаю, мы сможем поспать в Рим обменный ордер Аэрофлота. Так что с полетом сюда Пастухова проблем не будет. А он вам нужен! По-моему, вы получили все, что могли. Альбом возвратите аэрофлотовцу: от Рима до Неаполя три часа езды, никаких сложностей.

— Вы думаете, Пастухов как свидетель исчезнования?

— Даите дочинать.

«Костенко: — Спасибо. Это будет очень важно, если вы прилетите. Можете спросить разрешение у капитана сразу же?

Пастухов: — Капитан рядом, он слышит наш разговор.

Костенко: — Вы часто виделись с Анной Пастухов: — Редко.

Костенко: — Сколько раз за последние годы?

Пастухов: — У тети на ее семидесятилетии, в Коканде, потом она ко мне приступала в Ригу, а до этого в Ленинграде. Когда она защитила диплом, я к ней пришел — хоть один свой человек.

Костенко: — Она вам жаловалась на одиночество?

Пастухов: — Мы не были так близки...

Костенко: — А ее друзей вы знаете?

Пастухов: — У нее, мне кажется, не было друзей.

Костенко: — Как же так?

Пастухов: — Розные люди живут на земле...

Костенко: — Вы не обратили внимание, в кафе, после того как она вышла в туалет, ничего в ней не изменилось?

Пастухов: — То есть?

Костенко: — Ну, может, говорить стала громче или, наоборот, тише, может, попросила вас заказать что-нибудь особое, какое-нибудь марочное вино или шоколадный торт?

Пастухов: — Погодите, она и вправь попросила меня заказать «Цимлянское».

Костенко: — Выпила много?

Пастухов: — Глоток, в еще удивленный раз.

Костенко: — А больше вы ничему не удивлены?

Пастухов: — Я сказал, почему я удивился. Потом удивляться было нечему: совершенно чужой человек по духу.

Костенко: — Погодите, не надо спеша. Она обратилась к вам с той просьбой до того, как выходила в туалет, или позже?

Пастухов: — Позже.

Костенко: — Точно!

Пастухов: — Абсолютно. Когда я отрезал, она как-то съежилась и сказала, что, мол, все это ерунда, выбрось из головы, и попросила «Цимлянского».

Генерал замерил:

— Видимо, какая сидел не за соседним столиком, в стороне, бутылка была у них сигналом тревоги.

— Я тоже так считаю.

— Значит, ваша версия о золоте абсолютна.

— Это версия, доказательство нет.

— А что Жуков? ОБХСС работает в Магаданском «Центропризме»?

— Там полный порядок, никаких недостач.

— У Петровой могли быть данные, где камболов активно разведают новые золотоносные жилы?

— Предположительно — наверняка. Доказательства — никаких.

«Костенко: — Она чем-нибудь мотивировала свою просьбу, товарищ Пастухов?

Пастухов: — Желаниям переехать в Адлер, купить там дом, обзавестись, наконец, семьей.

Костенко: — А почему именно в Адлер?

Пастухов: — А там живет ее первый мужчина. Она была в него влюблена, а он же никого не другого, она это очень тяжело переживала.

Костенко: — Фамилии не помните?

Пастухов: — Нет. Он работает главбухом в рыбокомбинате, это она мне рассказывала.

Костенко: — Перед тем, как идти в кафе?

Пастухов: — Нет, у тети ко дне рождения.

Костенко: — Имена тоже не помните?

Пастухов: — Нет... Леша... Или Леня... Нет точно не помню...

Костенко: — Письма ее у вас есть?

Пастухов: — Конечно.

Костенко: — Письма тоже захватите.

Пастухов: — Хорошо. Если вы сделаете мне полет в Москву — по гроб жизни буду благодарен, девятый месяц в рейсе...

— С Адлером успели связаться? — спросил генерал.

— Еще нет.

— Поручили бы Тадаве.

— Он на ветеранах и армии, Дмитрий Иванович.

— Ну-ну... Что-нибудь есть?

— Пока мало.

— А это хорошо. Не люблю, когда сразу же в руки пльвет информация, значит, потом сработает закон подлости, все обворется. Ну, счастливо вам, Владислав Романович, в поездке домой.

— Я тоже...

— Но вы ведь дежурите по управлению... — удивился генерал.

— Меня подменят до двенадцати. Я должен быть на поминках Левона Кочарца.

— Ромиссер?

— Да.

— По-моему, десять лет назад умер!

— Да.

— Помни... —

— А я забыть не могу, — усмехнулся Костенко. — Эта ведь разница словесная: «помнить» и «не могу забыть».

Приложение следует.

Да, кинуть воду здесь просто трудно. Но что — расстиснуть в своем бессиями и уйти? Важливо улыбнуться хозяевам и сказать на прощание: мол, ничего, со временем и в их глубине революция облегчит жизни. Они сели в это верят, не зря же с яростью громят окрестные помещичьи и кулацкие банды. Но что можно сделать уже сегодня, не закрывая беды розовой картины завтрашнего дня?

Степан, несущие брови, глядел на слабоющий огонек костра. Пожалуй, только и остается, что попытаться уничтожить заразу в самом источнике.

Быстро столовавшись с хозяином, Степан, Александр Иванович и Демиссис поднялись и стали прощаться.

— Значит, переведи еще раз, — сказал Степан, уже выйдя из тухуля в прохладу сумерек. — Затра у нас воскресенье, день нерабочий, и мы с утра приходим, осмотрим ваше озеро. Попроси его и других крестьян тоже подойти туда, может, сообщи выясним, почему болеют люди от тамошней воды.

Крестьянин беззабы, кивая после каждого слова переводчика, проводил их до спуска. Степан, оглядываясь, все видел его длинную тощую фигуру. Беззабы напоминал привидение в залитой лунным светом белой эпопейской кириллице — шамеем.

Утром, подходя к озеру, Степан, Александр Иванович, Борис и их постоянный спутник Демиссис еще издали услышали гомон толпы. Пожале, что на берег высыпал весь поселок. Большой группой стояли, солидно беседуя, мужчины. Неподалеку шумели женщины, налившие то ли по случаю воскресенья, или этого собрания лучшие свои наряды, украшенные разноцветной вышивкой. Увидев Степана и его спутников, настрему заспешил директор школы Иоханнес Рафэль. По его широко распахнутым рукам, щедрой улыбке в густой кудрявой бородке, смеющимися на смуглом лице глазам можно было подумать, что он из век не видел, хотя расстались не далее как вчера вечером.

После взаимных приветствий Иоханнес сгнал улыбку с лица и укоризненно покачал головой.

— Что же вы мне, старому другу, даже ни поплоско не скажете вчеера о вашем намерении излечить дурную воду в озере?

— Откуда вы узнали об этом нашем намерении? — улыбаясь, спросил Степан.

— Да ведь нет дома у нас, чтобы кто-нибудь не маялся животом.

— Да, но речь идет пока просто об осмотре вашего озера. Мы еще не знаем, сможем ли это сделать.

— Вы не знаете? Вс, вылечившие тысячи самых тяжелых больных в Дамбо. — В голосе Иоханнеса Рафэль звучало изумление. — Да вы хоть понимаете, как вам верят эти все люди кругом? — Иоханнес показал на толпу примолкших, внимательно наблюдавших за ними крестьян.

— Вы помните, что после вашего приезда в Дамбо здесь разразилась гроза, первая гроза после многих месяцев сушин? Так я вам скажу, что после того, как вы поставили на ноги несколько больных, по местным понятиям, уже обреченных на смерть, здесь, в Дамбо, стали ходить слухи, что именно вы и избавили нас от засухи. Это пусть наивно, но вера в могущество, в знания, в искусные руки советских врачей. Она, эта вера, опора в вашей работе, ее никак нельзя разрушить. Придется и вам и нам сообщить заразу из озера выводить. Я вам и работ из нашей школы привел, может, помогут.

— В общем, по русской поговорке — взялся за гуж, не говори, что не дюж — усмехнулся Александр Иванович. — Что ж, Степан, давай осмотрим «большого», пощупаем его из озера.

Подойдя к толпе крестьян, пожмавая прятанные руки, Степан внимательно глядел в их глаза. Он видел в них дружелюбие, интерес и ту самую веру, о которой говорил Иоханнес, что вместе с ними, советскими врачами, они избавятся от терзавшего их недуга. Обмануть ожидания этих измученных людей было нельзя, и Степан повернулся к озеру. Оно лежало выше дороги, в выемке горного склона. Озеро представляло собой малоприглядную картины. Низкий берег был сплошь затоплен

скотом, вода была сера и мутна от грязи. Правда, противоположный крутой берег был затенен нежной хвойной тум, поднявшейся в расщелине бурных скал, буйной порослью молодых олендеров. Их цветущие ярко-красными пухучими цветами ветви склонялись к чистой, спокойной воде. Чувствовалось, что там глубоко. Да и берег был слишком крут, туда могли добраться разве что антилопы или дикие козы.

— Что, разве нельзя поить ваши коровы не в этом озере, а в другом месте? — услышал он голос Александра Ивановича.

— Как правило, так и делаем в дождливое время, когда все озера кругом полны водой, — ответил Иоханнес Рафэль. — Во время же сухого сезона только в этом озере есть вода, оно никогда не пересыхает.

— Никогда не пересыхает... — Степан пристально поглядел на зеленые древесные купы на дальнем берегу озера, и, как наяву, услышал ласковый, с придыханием голос своей старой бабки Аны: «Выпей, внучек, это из нашего родника водица, она и в самое ляжко не пересыхает и не теплеть». И вот он, голенистый мальчишка, опять в родной деревне Чуфичево под Старым Осколом, приехал из города на каникулы к бабке. А она не знает, чем бы попотчевать любимого внука — то ли своим медом, то ли вином из сада. И вспомнил первым делом предложила родниковую чуфичевскую водицу. Такой, по ее убеждению, не было нигде. Степан берет из дрожащей от страсти венчущей руки большую эмалированную битую-перебитую кружку. И этот союз родной земли вливается в него, ходякий и следкий, захватывающей дух и наполняющей счастьем и силой. Степан даже глаза зажмурил — до того ярко и сильно было воспоминание...

И тут же, повернувшись к Иоханнесу, быстро спросил:

— А родники в этом озере бывают?

— Родники! Вот чего не знаю, того не знаю.

— Так спросите у своих ребят, они наверняка купаются здесь, вон у них даже волосы не обсохли.

На горянин крик Иоханнеса прибежала целая стайка рабицек. Теснись и гляди преданными глазами на своего, видно по всему, любимого учителя, они кором отвечали на поток его вопросов. Чаще всего звучало «Ау» — «Да».

— Вы, пожалуй, правы, доктор, — повернувшись бородатое лицо к Степану. Иоханнес Рафэль, — ребята все в один голос рассказывают, что у того берега, если глубоко нырнуть, попадешь в очень холодный подводный ручей. Там, наверное, родники бывают, не дают озеру пересыхнуть.

Все помолчали, глядя на дальний берег озера.

Тут Александр Иванович, прервав паузу, показал рукой в сторону дороги и сказал:

— И коровы, видно, чувствуют, что здесь всегда можно напиться, — вон стадо сюда движется.

Через минуту на мелководье с мычанием вплыло огромное стадо. Весь берег разноцветно запестрел. Молослатые горбатые коровы-зебу с чмоканием, взахлеб пили мутную прибрежную воду.

— А потом отсюда же берут воду люди, — тихо проговорил Александр Иванович. — Чего уж тут удивляться болезням!

Все вновь помолчали, рассматривая коров. Те, довольно мыча, облизывали морды и выхопали из озера на дорогу.

— Придется эту воду спустить, — нарушил молчание Степан, — тогда болезни отступят, люди Дамбо будут пить здоровую, чистую воду из родников у дальнего берега. Скотине же нужно соорудить запруду ниже, вон, видите, в высохшем глубоком русле ручьи. Там, у дороги, и устроить новый водопой.

Когда Иоханнес Рафэль, быстро загоревшийся предложением Степана, подошел вместе с ветерком к жителям поселка и все им рассказал, над толпой повисло молчание. И вдруг все заговорили разом. Иоханнес, поверчивая голову от одног оратора к другому, все более мрачел. Потом не выдержал, начал что-то быстро объяснять на местном наречии, явно не убеждая крестьян. Ты в ответ качало упрямые головами: «Нет, нет, нет».

— Вы знаете, что они говорят? — спросил

Иоханнес чуть погодя у врачей. — Они не хотят спускать озеро. Мол, есть ли в озере родники — в этом большое сомнение, а вот без этого озеро скотина в месяцы сухи передохнет, и им туто придется.

— Ну, а в болезнях, которые их сейчас от дурной воды мучают, ты им скажи! — спросил Александр Иванович.

Иоханнес только пожал плечами:

— Конечно. А вот тот крикун отвечает: пешедом, они, глядиши, и сами пройдите.

— Что ж, буду, как говорится, принимать огонь на себя, — сказал Степан и вышел вперед. — Давай переводи, я сам скажу несколько слов.

Степан повернулся к крестьянам. На него смотрели уже не те дружеские и приветливые, а настороженные, в то и прямое колючие глаза. Не смущаясь этим, он громко произнес:

— Друзья, я и мон товарищи спасли многих вас от смерти. Не так ли?

Казалось, все крестьяне в один голос произнесли:

— Да!

— Вы нам верите?

И опять уже громко:

— Да!

— Тогда я прошу вас, поверьте и тому, что я вам говорю об озере. Спустя сейчас его в запруду для скота, вы будете пить чистую родниковую воду и навсегда избавитесь от нынешней болезни.

Когда через полчаса крестьяне принесли из дома кирки и лопаты и у озера закипела работа, Иоханнес хлопнул Степана по плечу и сказал:

— Теперь ты видишь, какие чудеса творят вера крестьян в «русских хакимов»?

— Вера в себя нужно подкреплять делами, — ответил Степан, орудуя длинным ломом.

Поднявася на него, он с матом вывернулся веенстий вали, тот с грохотом покатился вниз, туда, где собирались строить запруду. Выпрыгнувши, чтобы вытереть пот, он увидел, что эфипы уже разделились на две группы. Одни, побольше, только из мужчин, скакивали камни, валежники и землю вниз по руслу ручья. Там, у спускавшейся в ручей склы, предстояло построить плотину. Другая, наверху, где работали Александр Иванович, Демиссис и Борис, включала и женщины. Рядом с переводчиком Степан увидел и новую санитарку из Дамбо — Алганиш. Даже издали Степан узнал ее ослепительную улыбку, обращенную к Демиссису. Молодые сочные губы ярко всплыли на смуглом лице. Степан не раз уже замечал эту перочку в уединении, погруженную в нескончаемую беседу. Легкие прикосновения рук, глаза, устремленные друг на друга, нежный шепот. Прекрасные, волниющиеся знаки любви. Они едини для всех цветов кожи. Степан чуть слышно вздохнул: где-то его Катенька сейчас? Что делает? О чём думает? Уже много месяцев — одни письма. Нет, они не спасают от тоски... И если бы не коротко, как приказ перед боем, слово «снайд», Степан уж давно учился бы домой. Но пока — надо! — и изволь сжать зубы. Надо по-мужски, до конца доводить порученное тебе дело.

Уже к закату дня через канал, вырытый у нижнего края озера, хлынул поток воды.

Степан, только сплава вода в озерце, бегом кинулася, шлепая по лужам на дне, к дальнему кругому берегу. Родник, где он здесь нет, и здесь, и здесь. Обежав самый дальний огромный валик, Степан остановился как вкопанный — и здесь, на дне, кроме тины и барахтающихся в ней мелких рыбешек, ничего нет. Навалилась тяжесть длинного рабочего дня, заняли сбитые мозоли на руках. Неужто все испрасил?

— Не могли мы ошибиться! — Степан удрил кулаком по раскрытое ладони другим руки.

И тут же увидел, что по глянцевитой поверхности громадного валуна зменились водяные струи, услышал журчание где-то вверху.

Степан вскинул голову. Над валуном, из береговых скал пискала пульсирка, вода. Родник! Подставив руку, Степан помыл целую пригоршню холодной чистой воды. С шумом хлебнув из ладони. Он готов был поклясться в ту минуту — вода оказалася с тем же сладким привкусом, что и из родника в деревне Чуфичево. Родник его детства, его родины.

ЕЙ ПРИСНИЛОСЬ, ЧТО ОНА — РОССИЯ

Стихи Л. ТАТЬЯНИЧЕВОЙ

Музыка М. ЧИСТОВА

Пула,
Жизнь скосившая сыновью,
Жгучей болью захлестнула мать.
Некого с надеждой и любовью
Ей теперь под кров свой ожидать!
От глухих рыданий обессиля,
Задремала.

И приснилось ей,
Будто бы она —
Сама Россия,
Мать ста миллионов сыновей.
Будто в поле,
Вихрем опаленином,
Где последний догоरает бой,
Кличет,
Называя поименно,
Сыновей,
Что не придут домой.

Беззаботно храбрых и красивых,
Жизнь отдавших, чтоб жила она...
Никогда их не забыть России,
Как морей не вычерпать до дна.
...Снег дымится,
Он пропитан кровью.

Меж убитых тиха мать идет
И с суровой терпеливой скорбью
В заголовье Вечность им кладет.
А в душе не иссикает сила.
И лежит грядущее пред ней,
Потому что ведь она —
Россия,
Мать ста миллионов сыновей!

Музыка М. Чистова

Пула, Жизнь скосившая сыновью,
Жгучей болью захлестнула мать.
Некого с надеждой и любовью
Ей теперь под кров свой ожидать!
От глухих рыданий обессиля,
Задремала.

И приснилось ей,
Будто бы она —
Сама Россия,
Мать ста миллионов сыновей.
Будто в поле,
Вихрем опаленином,
Где последний догоरает бой,
Кличет,
Называя поименно,
Сыновей,
Что не придут домой.

Беззаботно храбрых и красивых,
Жизнь отдавших, чтоб жила она...
Никогда их не забыть России,
Как морей не вычерпать до дна.
...Снег дымится,
Он пропитан кровью.

Меж убитых тиха мать идет
И с суровой терпеливой скорбью
В заголовье Вечность им кладет.
А в душе не иссикает сила.
И лежит грядущее пред ней,
Потому что ведь она —
Россия,
Мать ста миллионов сыновей!

В РАТНОМ НЕБЕ

Свою новую повесть «Крылатые люди» известный летчик-испытатель и писатель Игорь Шалевский посвятил людям поиски и героической профессии — летчиков АДД, — элиты дальнего действия. Повесть построена на документальном, тщательно отобранным и строго выверенном материале.

Книга Игоря Шалевского — интересный человеческий документ, иных страниц которого прописают заложенные в них впечатления летчика-испытателя и подвига, совершенных ими ради славы — ради жизни на земле. Многочисленные события военной поры, перенесенные из тайнников писательской памяти в книгу, дают читателю представление не только о героях, но и о личности самого автора.

Здесь рассказывается, собственно, о буднях летчиков АДД. Но будни те были совсем не по-будничному полны опасности, постолиного риска. И потому стала захватывающей подлинные сюжеты, с которыми знакомы нас писатели. Еще бы: погоня в непогоду, одна ты, летчик, должен быть горд, но всевозможным каверзом и спортизмом, тут ум и смелость, и расторопность, и выдержка, и находчивость, и гибкая интуиция, и трезвый расчет не только умственны, но и необходимы. Всё это не преследует цель непременно заинтересовать нас военным и боевым действием, автор достигает теми же средствами эффекта захватывающей, от некоторого странника просто невозможного оторваться. Мы то и дело застаем героя повести в коллизиях, непредсказуемых и запутанных, диктуемых жестоким реальностью боевых обстоятельств, что, как понимают, изумляет, когда из самых немногих, самых заструнительных переплетов герой находит неожиданный и блестящий выход. Мотив всестороннего испытания человека в критических условиях, создаваемых воином, решительной проверки, оценки его нравственных качеств, человеческих качеств и возможностей — ведущий, глянцевый поток повести. Подобные испытания порой обесцвечивают и измуряют, но они же дают истинно мукистственные людям незавидную экипажину. Готовность истинных защитников Отечества выполнить свою миссию до конца и до конца, ее же наше и живо во имя грядущей Победы. Грандиозность, вошедшая в их кровь и плоть, ставшая для них высшим мерилом поступков и помыслов, — вот что задает неперекинувшему светом героям страницы повести, посвященные ратному труду летчиков АДД. В героях есть также тоталитротеческий порыв, что окрыляет и воодушевляет наш народ в тяжкие дни великой битвы. Книга Игоря Шалевского привлекательна не одним только доскональным знанием войны, но и нравственным потенциалом. Она воспитывает молодежь в духе высокой патриотической окрыленности.

А. ТВЕРСКАЯ

И. Шалевский. Крылатые люди. Понестъ. М.: «Московский рабочий», 1980. 348 с.

По горнолыжным: 7. Вид спорта, 8. Чемпион XVII, XIX Олимпийских игр по ходьбе на 20 километров. 9. Отдельное состязание на скорость. 10. Спортсменка советской команды, завоевавшая на ХХ Олимпиаде первенство по выездке. 12. Гребцы спортивной лодки. 13. Чемпион по тяжелой атлетике XXI Олимпийских игр в легком весе. 14. Член советской команды, завоевавший на XVIII Олимпиаде первенство по современному пятиборью. 15. Скорость, быстрота движения. 18. Город, место предварительного футбольного турнира Олимпиады-80. 19. Зеленый покров футбольного поля. 20. Спортивная награда. 21. Член советской команды, выигравшей на XVII и XIX Олимпиадах первенство по фехтованию на саблях. 23. Вдохновляющая в сущности Моря, озера, используемая для судоходства и занятий подводными видами спорта. 24. Чемпион XIX Олимпиады по академической гребле. 27. Общественная организация, проводившая в 1980 году спортивные соревнования. 29. Награжденный участник соревнований 20. Советская футбольная команда из 32 Чемпион XXI Олимпиады по гимнастике. 33. Центр со спортивными секциями на стадионах. 34. Чемпион XIX Олимпийских игр в метании копья. 35. Чемпион по волейболу XVIII Олимпиады в тяжелом весе. 36. Город, где состоялась IX Олимпийская игра.

По волейболу: 1. Чемпион XX и XXI Олимпиад по волейбольной борьбе в среднем весе. 2. Спортсмен, «злат». 3. Спортивное соревнование.

Сүлейман Дамир (справа) и Джевад Бхадльбухтиев

Фото А. Гостева

НАНИ ГОСТИ

Редакцию журнала «Огонек» посетили на днях гости из героического Афганистана — президент Академии наук ДРА, известный поэт, член Революционного Совета республики Султан Лажи и директор Института естественных наук Академии наук Афганистана профессор Джамал Бульбульшах. Афганские гости рассказали о деятельности Академии наук, о положении в стране, поделились своими творческими планами.

КНИГИ-ОЛИМПИАДЕ

Олимпийские игры! Для спортсменов и любителей спорта всего мира, а особенно нашей страны — первого в мире социалистического государства, в котором проходят Олимпиады, это не только самые крупные соревнования нашего времени, на которых состязаются самые сильные, самые ловкие, самые смелые, — это торжество молодости, здоровья, праздники красок и добра, дружбы и единства наций, спорта и культуры.

Конечно, подготовка к Олимпиаде — это пропаганда, соревнования в Москве — это пропаганда Таллина. Но, конечно, Минские игры и еще найдут самое широкое отражение в печати. Поможу, нет ни одного ни центрального, ни местного из-
вестия. Это издание «Московского рабочего» еще раз подозревает, что творческая, спортивная может и должна быть не только познавательной, но и увлекательной читаемостью.

дательства, в плане которого последними четырьмя годами было бы изданы посвященные Олимпиаде, состоявшейся в Ленинграде, книги о спорте, олимпийской культуре и т. д., которая присвоено звание официального издателя Олимпиады. «Олимпиада-80», вышедшая

около 100 названий, ныне на русском и иностранных языках тираж в миллионах экземпляров.

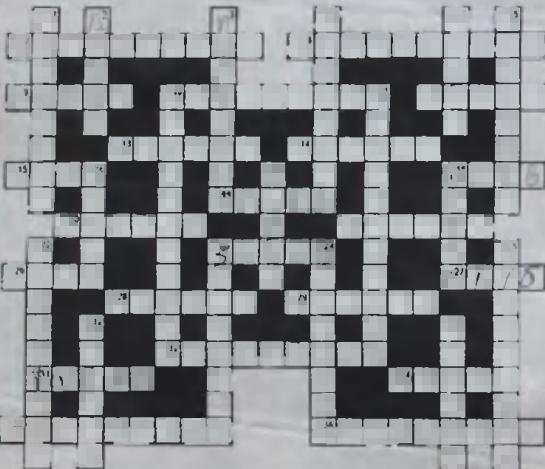
Они рассказывают об истории и эволюции Олимпийских игр, о современном олимпийском движении и участии в нем выдающихся советских и зарубежных спортсменов, о развитии советского спорта и его международных связях.

Особое место в спортивной тематике занимает книга, рассказывающая о столице современных Олимпийских игр, их архитектурном облике, о специально созданных и Олимпиадам спортивных сооружениях, о подготовке спортсменов к соревнованиям, о работе спортивных организаций, о развитии физической культуры и спорта в жизни советского человека, в воспитании гармонично развитого личности.

Проходят леса. Живи-
торжествует. Ты живешь,
неподвластный времени, споры

М. СЕРГЕЕВА

КРОССВОРД

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 28

По горизонтали: 1. Ангелина. 4. Ленсина. 7. Тололюб. 8. Граната. 9. Гладиолиниця. 13. Спірол. 14. Прототип. 16. Фраза. 17. Віти. 18. Нори. 19. Орша. 20. Фтор. 23. Рибле. 25. Алебарда. 26. Топаз. 29. Радіонопантер. 32. Танкага. 33. Рулетка. 34. Вербіця. 35. Награда.

По вертикалі: 1. Автобус, 2. Тільник, 3. Альва, 4. «Лігон», 5. Імидра, 6. Африпіна, 9. Гальваніометр, 10. Азот, 11. Ватт, 12. Рефрінгератор, 14. Петрушка, 15. Пролетіца, 21. Песо, 22. Фрак, 23. Реакція, 24. Бульвар, 27. Пілотка, 28. Застава, 30. Драма, 31. Турин.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Центральный стадион имени В. И. Ленина * Моззина в Олимпийской деревне * Велотрек в Крылатском.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

www.ijerph.org

Сформулировано И. И. ВУДКИНОМ.
Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Междуродный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Инностранных языков — 250-46-98; Актеры и труппы — 213-63-69; Писатели-натуралисты — 250-15-33; Науки и технологии — 212-21-60; Искусства — 214-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 253-39-04; Оформление — 212-15-77; Писцы — 253-30-28; Литературных приложений — 212-33-14.

Сдано в набор 30.06.80. Подписано к печати 15.07.80. А 00394.
Формат 70×108^½. Глубокая печать. Усл. печ. л. 70. Уч.-над. л. 11.55.
Тираж 1 810 000 экз. Инд. № 1515. Знак № 2518.

Ордона Ленина и ордона Октябрьской Революции типография
издательства «Правда» имени В. И. Ленина 125805, Москва, А-137, ГСИ,
улица «Правды», 24.

Николай ОЗЕРОВ,
народный артист РСФСР,
заслуженный мастер спорта

Мы, спортивные комментаторы, входим все-го лишь в одно из многочисленных подразделений, призванных обслуживать спортивные соревнования. Но надо признать, что роль и значение электронной прессы, как нас теперь называют, стремительно возрастает. Благодаря бурно развивающейся телевизионной технике, космическим спутникам связи рамки стадионов за последние годы раздвинулись до неоглядных масштабов.

Мне довелось вести репортажи с шести футбольных чемпионатов мира, двадцати двух ми-ровых первенств по хоккею, с тридцати летних и зимних Олимпиад, и становление спортивного телевидения свершалось на моих глазах. Я видел, как рос интерес и передачам о спорте и как вместе с этим усложнялась на-ша работа. Вспоминаются Олимпийские игры 1952 года, на которых советская команда вы-ступала впервые. Тогда Олимпиады по теле-видению еще не передавались, велись лишь радиорепортажи, но уже через четыре года в Мельбурне, телевизионные репортажи стали явью, однако смотреть их могли тогда лишь жители столицы Австралии и ближайших к ней населенных пунктов. И вот всего лишь через четыре года в Риме телевизионные передачи вышли за пределы одной страны и ход спортивной борьбы можно было увидеть на теле-визорах девяти европейских стран, на Олимпийских играх в Токио, впервые были исполь-зованы космические спутники связи, а телевизионная аудитория мексиканской Олимпиады уже исчислялась в пятьсот миллионов че-ловек. Игры в Мюнхене смотрели около миллиарда человек, а монреальские соревнова-ния — полтора миллиарда.

И это не предел! Если в Монреале работало всего 9 каналов телевизионных передач, 6 студий, 2 цветные передвижные станции, то у нас в Москве будет действовать 20 каналов цвет-ного телевидения, предназначенные для ино-странных телекомпаний, 22 студии, 280 стацио-нарных телекамер и 73 передвижные телеви-зионные станции. Передачи из Москвы смогут увидеть два миллиарда любителей спорта, жи-вающих на всех земных континентах.

Спортивный комментатор, готовясь к Олим-пиаде, заранее настраивается на ее волну, вот и я решил как-то тихим, спокойным вечером побывать в телестудии, операторским, мон-тажных нового телевизионного центра, выросшего словно в сказке рядом с нашими уже дав-но действующими. В просторном, не обжитом огромном здании, в его еще не «обогорен-ных», если можно так сказать, просторных за-лахах, снабженных самой современной телевизи-онной аппаратурой, еще царил полнейший, я бы сказал, какой-то дремотный покой. И я по-думал, глядя на неуклоненные микрофоны: «Неужели они заговорят!» А потом я подумал о моих коллегах из американской телекомпа-нии Эн-би-си, которые должны передавать код Олимпиады для своей страны. Неужели их микрофоны так и останутся неуклоненными? Неужели прекрасная новая техника со-временного телевидения так и не будет ими использована на всю ее полную мощь? И мне

стало жаль моих зарубежных коллег, а вме-сте с ними многочисленных любителей спор-та США.

Включив микрофон, репортер электронной прессы как бы слышит за своей спиной дыха-ние огромной массы людей, которые ждут от него мгновенного рассказа и показа. Ты еще не успел открыть рот, а зрители уже подтал-кивают тебя: «Народ, короче... Но вместе с тем и полнее, подробнее, достовернее!» — тре-буют они. И вот предстоит тебе, что в тот самый момент, когда вы уже готовы произне-сти знакомую всем телевизионную фразу: «Внимание, говорит и показывает...» — ваш микро-фон выключается.

Да, не хотел бы я оказаться на месте такого внезапно онемевшего телевизионера, и, может быть, потому, присев за один из пуль-тов к невключенному микрофону, заставил се-бя думать не о тех моих коллегах, которые не смогут занять предназначенные для них рабочие места, а о том, как я буду работать эти долгие и мимолетные шестьдесят дней.

К новому выступлению всегда готовишься исподволь, за много дней, особенно на Олим-пийских играх, и, как это часто бывает, когда думашь о будущем, хотя и совсем близком, но будущем, вспоминается прошлое. Вот и я, готовясь к своей четырнадцатой Олимпиаде, вдруг вспомнил первую, Хельсинки 1952 го-да, куда я, молодой спортивный комментатор, поехал со своим учителем Вадимом Святосла-вовичем Синявским вести радиорепортажи. И вот я увидел себя за полицейским огражде-нием около трибуны почтета, на которую под-нималась наша первая олимпийская чемпионка — мотоциклиста диска Нина Ромашкова, в вместе с ней еще две советские спортсменки — Елизавета Багратион и Нина Думбадзе. Я должен был прорваться в олимпийской чем-пионке, записать ее рассказ, чтобы через полчаса он мог произнечать в эфире, но меня не пускают. «Нина, Нинай! — кричу я и поке-зываю на микрофон, но Ромашкова только покивает плечами...

У нас на радио действует железный закон:

голос чемпиона со всеми его непостижимыми интонациями должен быть записан сразу же после победы, и в страшно волнуюсь. И вот ажиу, как Нина, получив золотую медаль, скрывается в подземном переходе. Неужели все пропало? При мысли об этом в бессстраши бросаюсь на полицейский кордон, прорываясь сквозь него и бегу вслед за нашей спортсмен-кой... Вот когда мне пригодилась теннисная прыть (как-никак мне, неоднократному чем-пиону страны, немало часов пришлось побе-гать по корту). Задание было выполнено, и на следующий день в газете появился рассказ о том, как какой-то молодой человек, обогнав всех маститых корреспондентов, похитил олим-пийскую чемпионку и не дал ей ни с кем сло-ва сказать. Этот молодой человек — видимо, ужасный ревнивец — сообщил репортера, — ока-зался женщиком прекрасной дискалиники.

Вот как я впервые попал на страницы зару-бежной прессы.

Впоследствии мне довелось не раз, как го-ворится, с мышью с жару рассказывать о побе-дах наших спавных олимпийцев. С трибуны мельбурнского стадиона я описывал незабы-ваемую победу Владимира Куца над лучши-ми стайерами мира. Я видел, как поздним римским вечером восхищенные зрители уно-сили на руках в олимпийскую деревню совет-ского штангиста Юрия Власова. Я до сих пор помню мельчайшие подробности побед греб-ца Вячеслава Иванова, борца Александра Мед-ведя, лыжника Виктора Синеева, которые тради-ции становились олимпийскими чемпио-на-ми (разве это не подает — держать спортив-ную форму двенадцать лет!). А как можно зе-бить тот знаменитый день в Риме, когда на рас-каленном шоссе велогонщик Виктор Калитко-нов первым прорвался 175 километров! Или сырой темный вечер в Токио, когда мы смогли сообщить в Москву о победе в прыжках в высоту Валерия Брумеля! До сих пор живут во мне три баскетбольные секунды финаль-ного матча сборных команд СССР и США в Мюнхене, хотя не я, а Нина Еремина вела ре-портаж об этой игре. Но я сидел рядом с ней

СПОРТ — НАШ СПУТНИК

Советские спортсмены — участники XXII Олимпийских игр.

Фото А. Бочинина

и еще острее чувствовал напряжение этого матча. Наши проигрывали очко, и Нина, охрипшая, изнемогающая, так же как и баскетболисты, спрашивала у своих невидимых зрителей, можно ли вырвать победу за эти оставшиеся три секунды. Она спрашивала, сама уже не веря, что это возможно. И все же надеялся и требуя этой победы. И когда Александр Белов за мгновение до финального свистка судьи забросил победный мяч, дав своей команде перевес в одно очко, я испытал такой подъем сил, что, казалось, смогу снова повторить весь этот репортаж с начала до конца.

Наша профессия требует огромной отдачи и физической и нервной энергии, большого знания спорта, безотказной памяти, научной оперативности. Пришел, увидел, передал —

так можно было бы перефразировать знаменитое латинское изречение, но я все чаще спрашивала себя: ну, а что же дальше? Неужели наша задача только в том, чтобы сообщать в эфир фамилии победителей и цифры их рекордов? Нет, конечно, нет! Задача спортивных комментаторов значительно шире. Так же как мы используем космические спутники для того, чтобы наши репортажи не знали барьеров земных расстояний, так и сам спорт должен стать повсеместным увлечением. Миллионы любителей спорта чувствуют, как незримые волны мужества, воли, бесстрашия, мастерства, отражаясь от спутника «Спорта», вдохновляют их на высокие держания, на выдающийся труд. Для миллионов людей олимпийский чемпион становится эталоном высо-

ких моральных и физических качеств, и мы, журналисты и космические и земные, должны умело использовать эти благородные достоинства спорта. Вот почему я всегда так раздуюсь творческим успехам наших спортсменов и тогда, когда они еще неступают, и тогда, когда покидают спортивные арены. И я стараюсь делать все, чтобы люди разделяли со мной эту радость. Разве не вдохновляет нас пример Николая Озolina, чемпиона страны по прыжкам с шестом, а ныне доктора педагогических наук, профессора, или Зои Мироновой, в прошлом чемпионки СССР по ковько-бенжному спорту, а теперь известного хирурга? Ушел из спорта после Мельбурна олимпийский чемпион Геннадий Шатков, но боксер в прошлом стал ныне кандидатом

юридических наук. Мы не забыли до сих пор выдающихся успехов чемпиона мира по шахматам Михаила Ботвинника, но его победы и сегодня не меньше, только в другой области — он доктор технических наук. Известный футболист тбилисского «Динамо» Зураб Соткилава стал народным артистом СССР, одним из лучших исполнителей роли Отелло на оперной сцене. А Инна Яунзем! На Олимпийских играх в Мельбурне она дальше всех метнула копье, сегодня же Инна известна в Латвии как хирург-виртуоз.

Таких примеров множество. Рядом со мной на телевидении работает Александр Иванович, в прошлом олимпийский чемпион по вольной борьбе, а ныне главный редактор спортивных программ телевидения и радио. Валерий

Борзов, сильнейший спринтер мюнхенской Олимпиады и призер Олимпиады монреальской, уже не выйдет на старт Олимпийских игр в Москве, но ныне он секретарь ЦК комсомола Украины. И я не сомневаюсь в том, что через несколько лет мы продолжим рассказ о тех, кто сделал свое дело на XXII Олимпиаде и продолжает свой победный путь на аренах трудовых...

Вот о чём я думал, сидя тихим московским вечером в одном из студий нового телекомплекса. В этом огромном здании будут продуктивно работать 1200 телекомментаторов, телепрограмматоров, режиссеров из многих стран мира. Двадцать восемь лет назад с первой нашей Олимпиады в Хельсинки вели репортажи всего два спортивных комментатора советского ра-

диона — Вадим Синявский и его помощник Николай Ольцов, с нашей восьмой Олимпиады репортажи по советскому телевидению и радио будет вести большая группа советских тележурналистов, мастеров своего дела, не раз уже выступавших на больших соревнованиях, таких, как Наум Дымахский, Котэ Махарадзе, Нина Ерёмина, Владимир Маслакенко, Анна Дмитриева, Лариса Петрик, Евгений Майоров, Георгий Саркисянц, Владислав Семёнов, Александр Куршов и многое другое. И я верю в то, что и мне и моим коллегам выпадет честь рассказать о многих замечательных победах советских спортсменов.

Московская Олимпиада начинается, микрофоны включены, зажглись телезранны. Внимание! Идет телепередача!

